

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Майкл
Маршалл

Один из нас

Хап Томпсон живет в футуристической Северной Америке, где бытовые приборы обладают сознанием, где можно в прямом смысле поселиться в Сети и где существует способ передать другому человеку тревожные сновидения. Собственно, он и занимается хранением снов, зарабатывая приличные деньги. И денег может быть еще больше, если помимо снов взяться за воспоминания. Эта работа гораздо более опасна и к тому же запрещена законом. Однако Хап согласился и теперь вынужден расплачиваться за свою опрометчивость: его голова — единственное место, где остались воспоминания об убийстве полицейского, которого он не совершал. Ему придется срочно найти женщину, которая сбросила эти воспоминания. И заодно выяснить, что за шесть абсолютно одинаковых людей в серых костюмах его преследуют...

Майкл Маршалл

Один из нас

*Трейси, сестре и другу, а также всем, кто стал невидимым, —
Сью, Пегги, Бетти, Клэрис и Мейбл*

Michael Marshall Smith

One of Us

© Copyright 1998 by Michael Marshall Smith»

© Перевод на русский язык. А. С. Петухов, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Спасибо:

Нику Ройлу, который с самого начала был рядом, одаривая дружбой, вдохновляя и странно попискивая;

Моим агентам — Ральфу Вичинанце, Нику Марстону, Бобу Букману, Карадоку Кингу, Линде Шонесси и Лизе Ивли — за отличную работу, проделанную ради меня;

Джейн Джонсон, Джиму Рикардсу, Стюарту Проффиту, Кейт Мициака, Ните Таублиб и Дейву Хайбургеру; Алистеру Джайлзу, Сьюзан Коркордан, Джеку Томасу, Фионе Макинтош и «Битвокс»; Давиду Бэddieлу; Ариель и ребятам в Динсгейте; BFS^[1]; Эллен Датлоу и Эду Брайанту; Колину Уилсону^[2] за влияние на меня с давних времен и Эрику Бразилиану^[3] за песню;

Тиму и Сьюзи — и не только за присмотр за кошками; Говарду за постепенное разрушение нашего дома; Саре, Рэнди, Питу, Дане, Крису, Лоррейн — и лондонским «главным подозреваемым»;

Адаму Саймону — за умение видеть невидимое лучше, чем большинство;

Стиву Джонсу за тестирование на работоспособность время от времени;

Дону Джонсону и Чичу Марину^[4] за компанию в долгие темные ночи английской весны;

Конечно, Поле — за то, что она моя истинная жизнь;

И моим родителям с любовью.

Невидимое является тайным дубликатом видимого.

М. Мерло-Понти^[5]

Ночь. Перекресток в богом забытом районе Лос-Анджелеса. Никогда здесь не бывал и совершенно не жалею. Просто две дороги, широкие и прямые, уныло ведущие в четыре конца мира — туда, где ничуть не лучше, через места, где, скорее всего, еще хуже.

На каждом углу в тумане ютятся смертельно оцепеневшие, абсолютно немые здания. Кажется, они растут на тебя, как зловещая мультяшная деревня, но это обман зрения. Двухэтажные бетонные коробки не настолько угрожающи. Им это не свойственно. Здесь город выглядит как пустая координатная сетка: его строения настолько малы в сравнении с незастроенными площадями, будто то, чего нет, гораздо реальнее того, что видишь.

На пороге круглосуточного винного магазина дрожит предсмертной дрожью скукоженная собака. Свет внутри так насыщенно желт, что фигура продавца, спящего за прилавком, точно плавает в растворе формальдегида. В юности женщина наверняка помогла бы псу. Сейчас у нее уже нет сил о нем позаботиться. Желание помогать давно увяло, скрылось глубоко внутри — да и животное все равно умрет.

Не знаю, сколько мы ждем, стоя в тени подъезда и кутаясь в дорогое пальто. Она за это время выкурила уже полпачки «Кимз» — но курит быстрее среднего, а часов не носит. Такое ощущение, что этот угол на задворках — единственное, что я когда-либо видел и когда-нибудь увижу; время здесь остановилось и не находит веских причин возобновить ход.

От далекого фонового шума отслаивается звук едущего автомобиля и вторгается в наш мирок. Она поднимает глаза, видит мелькание фар в начале улицы, слышит шелест шин по асфальту и рокот двигателя, довольного своей работой. Мы наблюдаем, как подъезжает машина. Сердце женщины бьется медленно, сознание холодно и глухо. То, что она чувствует, даже не ненависть — не сейчас и никогда больше. Когда опухоль отчаяния становится больше пожираемого тела, оно все время слышит ее рост. Женщина перестала сопротивляться своему несчастью. Все, что ей нужно, — немного покоя.

Машина останавливается в тридцати ярдах^[6], рядом с домом, номер которого она пыталась выяснить два месяца и за который ей в конце концов пришлось заплатить хакеру. Мотор замолкает. И вот сквозь грязное лобовое стекло она мельком видит лицо водителя. Его вид не производит никакого впечатления, не вызывает эмоций. Мы лишь чувствуем себя совсем старыми и измученными.

Он тянется к пачке сигарет на приборной панели — на это уходит целая вечность. Я не уверен, что он делает именно это, но она уверена. Все это важно для нее, отношения с этим человеком слишком сложны, и я не берусь их понять. Она спокойна, мысли копошатся так тихо, что их как будто нет, однако биение сердца учащается, и когда он наконец открывает дверь и выходит из машины, мы направляемся к нему.

Сначала он не замечает: возится с ключами. Она останавливается в нескольких ярдах от мужчины, и тот поднимает на нее мутные глаза. Возможно, пьян, но она так не думает. Всегда слишком хорошо владел собой, чтобы позволить себе напиться. Наверное, устал и не считает нужным скрывать, когда никто не видит. Старше и седеет, чем она ожидала. А вот глаза со слегка нависающими веками не изменились. На вид лет пятьдесят, элегантен и немного печален. Не узнает, но все же улыбается. Улыбка приятная — в былые годы была, пожалуй, и вовсе неотразима, но это в прошлом.

Теперь появляется еще одна машина, приближается по другой дороге. Я не сразу ее

замечаю, а женщина вообще не обращает внимания. Она в ожидании смотрит на мужчину. Вежливой улыбки недостаточно. Мы хотим, чтобы он узнал нас. Связь действует в обоих направлениях, и в одиночку разорвать ее она не в состоянии.

— Помочь? — наконец спрашивает он, глядя на нее. Стоит около машины напротив нас. Не испуган — нет причин пугаться, — однако уже начинает понимать, что встреча совсем не случайна. Видит только худенькую женщину в дорогом пальто. Но что-то в нас начинает его тревожить и напоминает о прошлом.

— Привет, Рэй, — произносит она и замолкает, дав время вспомнить.

Может быть, что-то в ее лице кажется ему знакомым, и он вспоминает о давно прошедших временах. Глаза широко открываются. Потом уверенность отчасти возвращается, и лицо вновь становится расслабленным. Воплощение надежности. Какое-то время они молча смотрят друг на друга, а я в это время полностью сосредотачиваюсь на второй машине. Я знаю, она приближается — большая, серебристая, быстрая.

— Лора, да? — все-таки спрашивает Рэй. Имя вспоминает мгновенно. А может, и не забывал, как она не забывала его. Мужчина кивает. — Да, это ты.

Издав короткий смущенный смешок, засовывает в рот сигарету.

— Никогда не забываю лиц, — щелкает зажигалкой и подносит ее к лицу. Левое веко медленно опускается — он подмигивает.

И возвращает в далекое детство, на площадку, где по-прежнему качаются качели. Столько лет прошло, а они качаются, будто мы только что с них слезли. Это предел.

Первая пуля попадает ему прямо в левый глаз, затылок взрывается фонтаном мерзости. Он пытается отступить, но следующая пуля попадает в пах, еще одна разрывает горло. А потом он падает на землю, ноги непроизвольно дергаются, а мы стоим и смотрим на него.

Пес наблюдает со своего пятачка возле стены, но у него достаточно своих проблем — да и Рэй все равно умрет.

Она не перестает стрелять, пока в пистолете не заканчиваются патроны. К этому времени тело не шевелится, выше шеи не пойми что. Только почти не тронутая сигарета продолжает торчать между губ: те словно только что извлечены из контейнера для анатомических отходов. Вот так, решает она.

Я засовываю руку в карман и достаю еще обойму. У нее сильно дрожат руки, и вроде бы она уже понимает, что сорвалась. И пока кое-как перезаряжает пистолет, до ее ушей наконец доносится звук приближающейся машины. Она резко поднимает голову.

Я сразу осознаю, что это не полиция, что я где-то видел эту машину. А Лора не осознает. Она ничего не может сообразить. Ее сознание слишком пусто, чтобы принять какое-то решение, поэтому решение принимает тело.

Мы делаем шаг назад, спотыкаемся и роняем пистолет. Потом поворачиваемся и бежим. Ждем смерти и не понимаем, почему она не приходит.

На мгновение обернувшись, мы видим, как машина останавливается посередине перекрестка. Двери открываются, две фигуры подходят к труп Рэя. Мужчины одинакового роста, одеты в похожие светло-серые костюмы, и глаза их не предвещают ничего хорошего.

Один из них поднимает пистолет Лоры.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо, *дерьмо!!!* — кричит другой. Голос такой мощный и глубокий, что я удивляюсь, как близлежащие здания не рассыпались. Он поворачивается в нашу сторону, свет уличного фонаря у него за головой образует подобие нимба из желтого света.

Мы исчезаем за углом прежде, чем он успевает нас рассмотреть, и продолжаем бежать до тех пор, пока не растворяемся в темноте.

Я сидел в одном из баров Энсенады^[7], поглощал теплое пиво и напоминал себе, что никого не убивал. Тут меня и достал мелкий ублюдок будильник.

«Хуссонз» был забит под завязку, шум здесь стоял адский, и не только потому, что все слишком громко разговаривали. Два местных агробарона явились, чтобы отметить какую-то сделку — вполне возможно, слияние семейств, связанных выращиванием люцерны^[8]. К ним присоседился, и похоже, на всю ночь, мариачи^[9]-оркестр из восьми музыкантов. В остальном бар представлял собой картину Джексона Поллока^[10] в местной гамме: жуликоватые фотографы пытались развести туристов на съемку, экспаты^[11] с дубленой кожей осматривали помещение, как оскорбленные филины, мексиканцы с заслуживающей уважения серьезностью накачивались спиртным. Заведение выглядело так, будто его обставили лет сорок назад, держа в голове наиболее характерные особенности стиля Дикого Запада: грязные полы, стены, выкрашенные табачным налетом, стулья, украденные из близлежащей церкви. Единственным намеком на дизайнерское решение были развешанные по стенам выцветшие изображения бывших барменов, известных алкашей и прочих местных знаменитостей. Одно из этих изображений уже валялось на полу — урон был причинен бутылкой, брошенной недовольным пьяницей. Короче говоря, еще чуть-чуть, и воцарится хаос.

Я устал, болела голова, и вообще мне не надо бы тут появляться. Сейчас я должен бродить по улицам и проверять все бары подряд, а еще лучше — ехать в сторону Лос-Анджелеса. Что угодно, только не сидеть здесь. Ее нигде не было, а поскольку перед отъездом из Лос-Анджелеса я не сходил к дилеру за прухой, то шанс, что она сейчас войдет именно в этот бар, минимален. Я все также считал, что след в Чикаго однозначно ложный, но у меня нет и оснований полагать, что она появится в Энсенаде.

Старший из двух бизнесменов, похоже, лично употребил изрядное количество люцернового сена, а еще в далеком прошлом занимался пением — и сейчас настойчиво исполнял весь свой репертуар к восторгу приспешников и лизоблюдов. Один из них, худощавый говнюк, которого я определил как зятя одного из плантаторов, занимающегося бухгалтерией, строил глазки группе молодых женщин, которые весело аплодировали за соседним столом. Я видел, как он указал на них молчавшему барону, тот повернулся и оглядел девушек. Его физиономия стала такой плотоядной, что по сравнению с ним оборотень выглядел бы очаровательным скромнягой. Помахав пачкой денег, он подозвал к себе руководителя оркестра.

Я сидел в окружении туристов — место оказалось единственным свободным, когда я вошел сюда два часа назад. У женщин за моим столом лица были красными от солнца и горели удалью от «Маргариты»^[12], тогда как их спутники угрюмо пили пиво и оглядывали помещение, стараясь определить, кто из местных начнет первым приставать к их женщинам. Я мог бы сказать им, что таковым окажется, скорее всего, американец, пожалуй, один из громогласных крысенышей-мажоров, что собрались на идиотскую мотоциклетную гонку, — но коль скоро я не знал туристов лично, то и не испытывал к ним никаких теплых чувств. Более того, они здорово действовали мне на нервы. Женщины слегка пританцовывали в креслах, как обычно делают люди, готовые сорваться с очень короткого поводка, а ближайшая из них постоянно толкала меня под локоть, отчего я проливал пиво и ронял

пепел на джинсы, которые и так были грязными еще два дня назад, когда я впервые натянул их.

Почувствовав, что кто-то похлопал меня по плечу, я с возмущением повернулся, ожидая увидеть перед собой официанта, обслуживающего эту часть зала. Мне, как и всем, нравится, когда официант относится ко мне внимательно, но, клянусь богом, есть же предел скорости, с которой человек может пить. В моем случае скорость достаточно высока, однако парень здорово надоедал мне, ожидая, когда я прикончу очередную кружку. Не скрою, удобно, что официант рядом, когда пробраться к стойке можно только с помощью бензопилы, однако пора бы ему немного успокоиться. Я уже собирался сказать ему, чтобы он оставил меня в покое, по крайней мере, после того, как принесет очередную порцию, но понял, что это совсем не он меня хлопнул, а толстый американец, чья борода выглядела так, словно он освежевал грязную овцу и приклеил овчину к подбородку.

— Там тебя спрашивают! — прокричал он.

— Скажи, чтобы отвалили, — ответил я. Знакомых в Энсенаде у меня давно не было, а заводить новых я был не в настроении.

— Настоячивый тип, — продолжил он, ткнув большим пальцем куда-то себе за спину в направлении стойки. Я посмотрел в ту сторону, но народу было так много, что я ничего не увидел. — Мелкий такой, черный.

Здесь это могло означать или то, что парень действительно чернокожий, или что он местный индеец. Правда, для меня это не имело значения — я не хотел разговаривать ни с кем. Меня только удивило, что мой соотечественник сам не посоветовал парню убраться подальше. Мужик с бородой совсем не походил на человека, готового состоять на побегушках у этнического большинства.

— Тогда пошли его куда подальше вежливо, — сказал я, воспользовавшись мгновением тишины, и снова повернулся к мариачи.

Оркестр немедленно и очень громко начал играть новую песню, которая была удивительно похожа на все предыдущие. Хотя, наверное, я ошибся, потому что она вызвала бурю оваций, и поющий бизнесмен неуклюже забрался на стул, чтобы представить ее нашему вниманию. Я глотнул пива, мечтая, чтобы официант поторопился и надоел мне еще раз, а потом стал мрачно ждать, когда люцерновый король свалится на стол девушек. Будет чем полубоваться.

Вдруг я услышал звук. Тихий, его едва можно было различить сквозь шум голосов и рывканье труб, но он становился все громче.

— Я так и сказал, — раздался у меня за спиной голос американца, — но ему это не понравилось.

И опять этот звук. Похоже на...

Я прикрыл глаза.

— Хап Томпсон! — неожиданно проверещал тонкий голос, легко перекрывая шум бара. Звук становился все громче и громче, прежде чем опять прозвучало мое имя. Я постарался не обращать на него внимания, но звук никуда не пропал. Он никогда не пропадал.

Через минуту сигнал стал таким громким, что оркестранты оборачивались в мою сторону. Постепенно они прекратили играть — инструменты замолкали один за другим, как будто их хозяев по очереди сбрасывали со скалы. Я зло выругался и загасил сигарету в переполненной пепельнице. Головы повернулись в мою сторону, и в баре повисла тишина. Последним заткнулся бизнесмен-певец. Теперь он, раскачиваясь, стоял на столе, широко

раскинув руки. Он вполне потянул бы на оперного певца, если бы физиономией не походил на боксера, который проиграл слишком много матчей.

Глубоко вздохнув, я повернулся.

У меня за спиной толпа образовала проход, и теперь было хорошо видно стойку. На ней, стараясь не попасть в лужи пролитого пива, стоял мой будильник.

— О, привет, — произнес он в наступившей тишине. — А я думал, ты меня не услышал.

— Какого черта тебе от меня надо? — спросил я.

— Пора вставать, Хап.

— Я уже встал, — ответил я, — и нахожусь в баре.

— Ах вот как, — сказал будильник, оглядываясь. — Теперь вижу. — Помолчав, он продолжил: — И все равно пора вставать. Если хочешь, можешь опять меня выключить, но тебе действительно надо быть готовым к половине десятого.

— Послушай, мелкий ублюдок, — произнес я, — я уже давно встал. Сейчас четверть десятого вечера.

— Неправда.

— Нет, правда. Мы это с тобой уже проходили.

— У меня сейчас точно девять семнадцать утра, — будильник наклонился так, чтобы всем, и мне в том числе, было видно табло.

— А у тебя всегда утро! — воскликнул я, вставая и указывая на его цифры. — Это потому, что ты сломан, несчастный кусок дерьма.

— Эй, послушайте, — запротестовал один из туристов у меня за столом, — малыши лишь хочет сделать свою работу. Не стоит с ним так. — Эти слова сопровождались одобрительным гулом близлежащих столиков.

— Вот это правильно, — согласился будильник — два квадратных дюйма ^[13] оскорбленной невинности на хилых ножках. — Делаю свою работу, вот и все. А как тебе понравится, если я перестану тебя будить, а? Мы же оба знаем, что тогда произойдет, верно?

— Что? — воскликнула женщина с печальными глазами на другом конце зала. — Скажи, он плохо с тобой обращается?

Крепко сжав челюсти, я взял со стола зажигалку и сигареты и посмотрел на женщину. Она смело встретила мой взгляд и фыркнула:

— С него станется.

— Он меня бьет. И даже выбрасывает из окна... — в разных концах помещения раздалось ворчание, и я решил, что пора сматываться, — машины на ходу...

Толпа зловеще зашевелилась. Я хотел было объяснить, что сломанный индикатор утро/вечер — не единственный недостаток будильника и далеко не самый главный, что он имеет привычку неожиданно будить меня несколько раз подряд в ранние предутренние часы, не давая как следует отдохнуть, но решил, что в этом нет смысла. Ведь маленький мерзавец умудрился достать меня в единственном в мире баре, посетителей которого волновала судьба сломанных приборов. Я натянул куртку и стал прокладывать дорогу к выходу. Передо мной появился проход, вдоль которого стояли люди с мрачными лицами, и я в сильном замешательстве проскользнул к выходу.

— Хап, подожди! Подожди меня!

Услышав, как будильник прыгнул на пол, я прибавил шагу и пролетел мимо пары вооруженных полицейских, калымивших охранниками на выходе. Проскочил сквозь маятниковую дверь ^[14], лелея надежду, что одна из створок ударит по будильнику и

отшвырнет его к барной стойке, и оказался на улице.

Надежда не оправдалась. Будильник догнал меня и теперь бежал рядом, пыхтя от напряжения. Я больше чем уверен, что звуки эти были насквозь фальшивыми и надуманными. Если уж чертов прибор умудрился добраться до меня из того места в Сан-Диего, где я вышвырнул его из окна последний раз, то небольшой спринт по улице ну никак не мог сбить ему дыхание.

— Ну, спасибо, — проворчал я, — теперь все в этом баре знают, как меня зовут. — Я хотел дать ему пинка, но он легко увернулся, отпрыгнув в сторону, а потом оказался прямо передо мной.

— Но это же здорово, — произнес будильник. — Может, заведешь новых друзей. Видишь — я не только полезный прибор для определения времени, но и могу помочь тебе с общением — например, сократить расстояние между душами в этом мире, где все вверх тормашками. Хап, я действительно могу помочь тебе.

— Нет, не можешь, — ответил я, резко останавливаясь.

Ночь была темная, улицы освещались только раскачивающимися желтыми лампами, висевшими перед входами в бары, рестораны и подозрительные мотели. Неожиданно я почувствовал себя одиноким и затосковал по дому. Я был не в той части не того города и даже не знал, как здесь очутился. Чья-то вина, моя собственная паранойя или я просто все время сбегая сюда? Похоже, и то, и другое, и третье, но сейчас это уже не важно. Я должен найти Лору Рейнольдс, которой здесь вполне могло и не быть. Иначе меня укатают за то, чего я не совершал, но помнил, как оно совершалось. Попробуйте объяснить это будильнику.

— Ты даже не попробовал моих функций органайзера! — звякнул рассеянный прибор.

— У меня уже есть органайзер.

— Но я лучше! Ты просто скажи мне о своих встречах, а я тебе о них напомулю любой из двадцати пяти очаровательных мелодий, которые в меня заложены. Ты никогда не забудешь про юбилей! Никогда не опоздаешь на важную встречу! Никогда...

На этот раз я его достал. С затихающим визгом будильник перелетел через ряд палаток, в которых торговали абсолютно одинаковыми дешевыми коврами и гипсовыми бюстами Инопланетянина^[15]. Не успел я пройти по улице и пятидесяти ярдов, как мариачи-оркестр грянул вновь. Над ним звенел чистый и искренний голос бизнесмена — голос человека, который все знает о самом себе: кто он, для чего живет и где его дом.

* * *

В Мексике я оказался поздним вечером накануне. По крайней мере, именно тогда пришел в себя в незнакомой машине, стоящей с работающим двигателем на обочине корявой дороги. Я выключил его и осторожно выбрался наружу, ощущая при этом, что мне, должно быть, вогнали в левый висок очень холодных гвоздей, изобразив довольно любопытный узор. Я посмотрел вокруг, пытаясь понять, где нахожусь.

Вскоре благодаря легко узнаваемому пейзажу я это понял. Прямо за машиной возвышалась крутая скала, на противоположной стороне дороги холм резко уходил вниз, а единственной растительностью вокруг были кусты и серые шишковатые деревья, которые всем своим видом пытались сообщить проезжающим, как нелегко им живется. Было тепло, пахло пылью. В отсутствие городского освещения звезды ярчайше сияли в небесной черноте.

Я находился на старой внутренней дороге, которая, извиваясь меж холмов, шла по Бахе^[16] от Тихуаны до Энсенады. В свое время это была единственная дорога, но сейчас здесь даже нет освещения, она в жутком состоянии, и нормальные люди ею не пользуются.

Теперь, выйдя из машины, я смутно припомнил, что машина — моя и сел я в нее в Лос-Анджелесе утром того же дня. Это воспоминание периодически появлялось и исчезало, как телевизионный сигнал, когда плохо подается электричество. Чужие воспоминания пытались отодвинуть его в сторону и требовали внимания к себе. Они были неестественно четкими и резкими. Пытались стать поглаже, смешиваясь с моими собственными, но у них ничего не выходило: они не принадлежали лично мне, и у меня в голове им не было места. Все, что они могли, — наложиться на мои, иногда полностью их закрывая, а иногда появляясь где-то на самой границе сознания, подобно слову, которое вертится на кончике языка, но его никак не ухватить.

Я вернулся к машине и стал рыться в бардачке, надеясь найти там хоть что-нибудь, что точно мое. Сразу же обнаружил множество сигарет, включая одну раскрытую пачку, но марка была явно не та. Я курю легкие «Кэмел» и ничего больше, а это были «Кимз». И тем не менее создавалось впечатление, что купил их именно я, потому что на нижней части открытой пачки остался целлофан. У меня привычка не снимать его, и мой лучший друг Дек с удовольствием тратит уйму времени, пытаясь надеть его на верхнюю часть, пока я в туалете. Я даже вспомнил фирменный смех Дека, который раздавался всякий раз, когда я злился, пытаясь открыть такую пачку, и это напомнило мне о том, кто я такой на самом деле.

Я крепко зажмурил глаза, а когда открыл, почувствовал себя немного лучше.

Переднее пассажирское сиденье было завалено обрывками фольги. Здесь же лежало несколько пустых ампул, и мне не понадобилось много времени, чтобы понять почему. Много лет назад, в своей прошлой жизни, я приторговывал наркотиком под названием «новяк». У него свойство искоренять тоску, возникающую на почве того, что все в этой жизни приедается. Благодаря новяку все происходит как в первый раз. Одна из причин такого воздействия — блокировка памяти, чтобы она не рассматривала новый опыт как нечто уже имевшее место. По-видимому, я пытался добиться этого эффекта, используя целый букет клубных наркотиков, пока не отключился. На темной дороге. В Мексике. Среди ночи.

Лучше не придумашь.

Но, выходит, комбинация оказалась несмертельной, раз я пришел в себя. Быстро прикинув и убедившись, что выбрал нужное направление, я завел машину и осторожно выехал на дорогу. Потом оторвал фильтр у сигареты, прикурил и направился на юг.

По дороге мне попала только одна машина: здорово, потому что можно ехать посередине шоссе, подальше от канав вдоль него. Не волнуясь больше по этому поводу, я мысленно занялся составлением ретроспективы произошедшего за последнее время, что вызвало легкую панику. Случившееся за последние шесть часов полностью стерлось из памяти вместе с некоторыми другими фактами моей жизни. Например, я помнил, где живу — на десятом этаже «Фолкленда», одного из самых оживленных жилищных комплексов Гриффита, — но вот вспомнить номер квартиры я был не в состоянии. Это оказалось просто невозможно. Хорошо бы разобраться на месте, и я очень на это надеялся, ибо все мои вещи находятся именно там; в противном случае просто нечего будет надеть.

Я помнил имя Лоры Рейнольдс и то, что она сделала. Получается, какое-то время она ехала вместе со мной — по крайней мере, я так думал, — и, скорее всего, это она купила сигареты, хотя пачку распечатал именно я. Я не знал, как Лора Рейнольдс выглядит — знал

только, какой она видела себя. И не имел ни малейшего представления, где она находится. Наверное, у меня была серьезная или не очень причина ехать в Энсенаду, но это только в том случае, если решение принимал именно я. А коль скоро я забрался так далеко, то смысла поворачивать назад не было.

Доехал я довольно быстро — остановиться пришлось только один раз, когда дорогу пересекло стадо кофеварок. Где-то читал, что они частенько забредают в Мексику. Не знаю, почему они это делают, но их действительно было очень много. Они молча спустились по склону, плотной группой пересекли шоссе и правильной линией двинулись дальше в поисках еды, жилья и даже, может статься, кофейных зерен.

В полночь я уже был в Энсенаде и остаток ночи проспал в машине, остановив ее в пригороде. Мне снился серебристый седан, какие-то мужчины и фонари, горящие у них за головами, но сон был хаотичный и путаный — он был полон страха, заполнявшего все его пространство, ограниченное дверьми, которые не хотели открываться.

Проснувшись, я почувствовал себя настолько хорошо, что смог позвонить Страттену, перенаправив звонок через Сеть своего хакера, чтобы создалось впечатление, что звоню из Лос-Анджелеса. Сказал, что у меня сильная мигрень и что пару дней я не смогу работать. Не думаю, что Страттен мне поверил, но заострять на этом внимание он не стал. Остаток дня я провел, шатаясь по палаткам, торгующим тако^[17], и гостиницам или бесцельно разъезжая по грязным, заброшенным улицам. К вечеру пришел к неизбежному выводу.

Ее здесь нет.

* * *

Из «Хуссонз» я направился прямо туда, где оставил машину. В это время дня район, находящийся в стороне от туристских троп, казался особенно самобытным. Ранним вечером тут все напоминало о веселых эстафетах для вооруженных грабителей. Группы местных жителей устрашающего вида стояли и наблюдали за мной, пока я проходил мимо. Они стояли босыми ногами в лужах пива, мочи или крови: ручьи текли из всех баров. Но до своей машины я добрался вполне благополучно. Она была припаркована в тупике, подальше от любопытных глаз, и, только достав из кармана ключи, я заметил, что по противоположной стороне улицы двигаются тени. Свет был слишком тусклым, чтобы понять, кто это, однако мне почему-то совсем не хотелось встречаться с ними лицом к лицу. Такой уж я человек. Не люблю компании.

Скоро стало понятно, что по направлению ко мне двигаются трое. Они не торопились, но это не слишком радовало. Особенно когда слабый отблеск пуговиц подтвердил мои худшие опасения. Копы. Или их местный аналог, что еще хуже.

Они могли просто прогуливаться, заглядывая в местные бары, а может, заметили turista и решили заглянуть ему в бумажник.

Или коллеги из бара сообщили всем о подозрительном типе, который только что убрался оттуда, преследуемый ненормальным хронометром, и сообщили имя этого типа. У меня не было никаких причин думать, что мое имя окажется известно кому-нибудь в этом городе, если только в Лос-Анджелесе за последние несколько часов не произошло нечто, о чем мне пока не известно, но зря рисковать мне не хотелось. Я спокойно открыл дверь машины и стал ждать, прислушиваясь к шарканью подошв по неровной поверхности дороги.

— Привет, — сказал я твердым голосом. — Чем могу помочь?

Ничего не ответив, они осмотрели меня с ног до головы, как это обычно заведено у таких ребят. Один из них сделал шаг назад и посмотрел на номера машины.

— Она моя, — сказал я. — Документы в бардачке.

Я слишком поздно вспомнил, что рядом с документами, под картой, лежит пистолет. Принадлежащий мне — у меня лицензия с серийным номером и все такое, и он мой на абсолютно законном основании, но в том, что его найдут они, не было ничего хорошего. Баху нельзя назвать бандитской землей, но она стремительно к этому приближается. Лет двадцать назад казалось, что денежные вливания из Гонконга могут сделать регион вполне респектабельным, однако финансовый вал ушел дальше, и отступившая было тьма снова спускалась с гор, завоеывая все новые и новые территории и заволакивая людям глаза. Полицейские здесь страшно нервничают, когда не они берут на мушку, а их.

— Мистер Томпсон? — спросил тот, что стоял в центре. Я крепче ухватился за дверь.

— Да, это я. — Смысла врать не было. Я — это я до самых аминокислот. — Как вы догадались? Выгляжу как Томпсон или...

— У человека, похожего на вас, только что была небольшая проблема в баре «Хуссонз», — ответил он, и его губы раздвинуло жалкое подобие улыбки. — С будильником.

— Сами знаете, как бывает, — пожал я плечами, — иногда эти приборы невероятно действуют на нервы.

— Я себе такую штуку позволить не могу. У меня все еще часы на батарейках, — заметил мой собеседник.

— Наверное, отлично работают, — я постарался, чтобы эти слова прозвучали по-дружески. — И кормить не надо.

— А что вы делаете в Энсенате? — резко задал вопрос третий полицейский.

— Отдыхаю, — ответил я. — Решил несколько дней отдохнуть от работы.

— Какой работы?

— В баре. — Я не врал, потому что за свою жизнь успел поработать во многих местах. Если они захотят проверить, умею ли я наливать пиво и отсчитывать сдачу, ничего не имею против.

Все трое кивнули. Равнодушно и с полным отсутствием интереса. Все развивалось по самому лучшему сценарию, и мне полагалось расслабиться. Но я почему-то напрягся еще больше. Никто не требовал у меня денег. Никто не требовал предъявить документы. Никто не обыскивал ни меня, ни пустоты моей машины в поисках наркотиков.

Тогда чего они ко мне привязались? Я ведь ничего не нарушил. По крайней мере, здесь.

А потом я услышал. Чуть слышный звук приближающейся по соседней улице машины. В этом не было ничего необычного — я хорошо знаком с двигателем внутреннего сгорания и его ролью в современном обществе. Но мне показалось, что коп, стоявший в середине и, по-видимому, бывший здесь за главного, посмотрел в конец квартала. Я проследил за его взглядом.

Сначала были видны только туристы, ходившие парочками и громко и весело обсуждавшие сувениры, выставленные на продажу. Неожиданно я вспомнил, как много лет назад впервые попал в Энсенату. Вспомнил, как узнал тогда, что все браслеты, коврики и виньетки, посвященные Дню мертвых^[18], делаются на одной и той же фабрике, и никто здесь не торгует ничем редким или уникальным. Узнал, но никакого впечатления на меня это не произвело. Я проводил дни, поедая тако с рыбой, продававшиеся пара за доллар и забытые

под завязку начинкой с чили, и наблюдая, как возле рыбного рынка пеликаны дерутся за объедки в вихре грязных перьев, позоря своих собратьев в остальном мире. Кружил по улицам, слушая кантри и созерцая индейских детей, которые на каждом углу продавали контрафактную жвачку, чтобы хоть чем-то помочь своим матерям. Ночи наполнились тенями, отдаленными криками, игрой лунного света на воде, дуновением холодного бриза. Мы разжигали костер у запущенного коттеджа. Я был с той, что любила меня.

Вот почему я постоянно возвращаюсь в Энсенаду. Чтобы вспомнить те времена и то, каким был в те годы.

Но машина, которая медленно остановилась в конце квартала, ничем не напоминала мой тогдашний убитый «Форд», и в ней не было никого, кого я знал. Это была полицейская машина, и именно ее ожидали стоявшие рядом со мной копы. Ловушка — или они знают, кто я такой, или ночь такая спокойная, что им просто захотелось поразмяться. В любом случае пора действовать.

Я обеими руками схватился за дверь своей машины и с силой распахнул ее — двое полицейских получили удар в живот и упали на спину. Оставшийся стоять судорожно тербил кобуру. Я быстро ударил его ногой по кисти, и пистолет заскользил по тротуару. Сегодня таких упражнений было не избежать. К счастью, я стараюсь поддерживать форму.

Копы в машине увидели, что происходит, и на всех парах понеслись в мою сторону. Я вставил ключ в зажигание, и машина рванула вперед еще до того, как я успел захлопнуть дверь. За спиной раздавались крики копов, но я резко развернулся — при этом из-под колес у меня брызнула галька, будто поднятая автоматной очередью, — и нацелился прямо на полицейскую тачку.

Я твердо держался выбранного курса, вдавливая педаль в пол, но знал, что мне придется свернуть. В игре «кто первый струсит» мексиканская полиция выигрывает в ста случаях из ста. Перед глазами мелькнули туристы, наблюдающие, как я несусь по дороге. Рты разинуты: они понимали, что сейчас насладятся местным колоритом, где как пить дать будет доминировать красный.

Перед глазами у меня были лица двух полицейских — они неподвижно смотрели сквозь ветровое стекло и неумолимо приближались. Тот, что сидел на пассажирском сиденье, слегка нервничал, но лицо водителя говорило о том, что я и так знал. Если этот маневр должен выявить труса с цыплячьей душонкой, то это точно будет не он.

В самый последний момент я взял вправо и с заносом влетел в переулок, с трудом избежав лобового столкновения с витриной магазина. Люди бросились врассыпную, а я, проклиная свою удачу, попытался определить, что делать дальше. За спиной я услышал визг покрышек — копы очень неосторожно совершили разворот, задев несколько припаркованных здесь же машин. Оставалось только надеяться, что все эти машины правильно застрахованы. Не иметь страховки вообще — это экономия, которая может выйти боком. Ярдах в пятидесяти от границы есть одно местечко, где начинаешь верить, что страховка, которую тебе впаривают, действительно стоит своих денег. Забыл, как это место называется, но можете съездить, поискать и убедиться.

Выбор у меня был не очень большой, из Энсенады всего два пути — вверх или вниз по побережью. Я решил ехать вверх, но мне надо было убедить преследователей, что еду вниз. Поэтому я, не обращая внимания на светофоры и вообще мало задумываясь о соблюдении правил дорожного движения, рванул на скорости 70 миль в час к южной оконечности города. Встречные машины вылетали на тротуар, вслед мне неслись проклятия водителей. Я их

хорошо понимал, но в дискуссии решил не вступать.

Через несколько очень напряженных минут я понял, что мне удалось оторваться от погони, поэтому резко повернул налево и затормозил, аккуратно припарковавшись между двумя убитыми грузовиками, стоявшими на обочине. Я продвинул машину как можно дальше вперед, чтобы было видно перекресток, выключил двигатель. И стал ждать с бешено бьющимся сердцем.

Маневр сработал. Обычно никто не ожидает, что ты остановишься посреди погони, напротив, преследователи предполагают, что ты продолжишь бегство. Через несколько секунд я увидел, как через перекресток пролетела полицейская машина, и вытер мокрые от пота ладони о джинсы. Подождав еще немного, осторожно покинул свою парковку и медленно двинулся вверх по улице.

* * *

Возвращаясь назад к границе, я попытался дозвониться до своего человека в Сети, Квота, но он не ответил. Я оставил сообщение, чтобы он связался со мной, когда будет возможность, и сосредоточился на дороге. К тому времени я уже успокоился, убедив себя, что мексиканские копы просто решили наехать на показавшегося им подозрительным американца.

В пригороде Тихуаны я остановился у раздолбанной колонки, чтобы заправиться. Можно было подождать до границы, но заправка выглядела так, будто без моей помощи ей скоро придет конец. Пока заправщик заливал бензин, я выбросил сигареты в урну и купил нормальные по контрабандным ценам.

Кроме того, я решил зайти в туалет, что, как выяснилось впоследствии, было ошибкой. Плакат на заправке гласил, что тут только что сменились хозяева, но, по всей видимости, туалеты все еще находились под управлением старых или ими занималась организация, которая вообще ничего не понимает в вопросах управления. Например, испанская инквизиция. Запах был просто удушающим, и это еще мягко сказано. Оба писсуара оказались расколоты, а одна из кабинок, по-видимому, служила туалетом для местных лошадей, когда им необходимо было опростаться. Если это так, то местной администрации надо было бы объяснить им, как садиться на стульчак и для чего существует туалетная бумага.

Оставшаяся кабинка была более-менее приемлема, я заперся в ней и приступил к делу. Голова была занята совсем другим — я размышлял, что делать по возвращении домой, и в этот момент услышал стук в дверь.

— Минуту, — сказал я, застегивая молнию. Скорее всего, это заправщик заволновался, что я уеду, не заплатив.

Никто не ответил. Я постарался произнести ту же фразу на ломаном испанском, когда вдруг понял, что это не может быть заправщик. У него были мои ключи, а без них я не мог уехать.

Опять раздался стук. На этот раз громче.

Я быстро осмотрелся и понял, что единственный путь наружу лежит через дверь. И так всегда. Можете мне поверить, что когда от кого-то бежишь, то прятаться в туалетной кабинке — не самый лучший вариант. Заложенные в них проектировщиками возможности сильно ограничены.

— Кто там? — спросил я, и мне опять никто не ответил.

У меня был пистолет, но это тоже не вариант. Я хотел надеяться, что стал взрослее — хотя не исключено, что просто трусливее. Никогда не был любителем перестрелок, а теперь бодрящие ситуации, в которых я рискую разбрызгать свои мозги по стенам, вообще вызывают у меня стойкое отвращение. На мой взгляд, пистолет — нечто большее, чем просто игрушка, поэтому я не пользовался им всерьез уже четыре года. А вот скуку я им иногда разгоняю, о чем вам может поведать мой старый проигрыватель, однако это не считается. Надо постоянно практиковаться в бессмысленной жестокости, иначе рискуешь потерять навык.

Да, тут может сработать только благоразумие.

Поэтому я достал оружие, распахнул дверь и заорал тому, кто за ней находился, чтобы он немедленно падал лицом в пол.

Комната была пуста — только грязные стены и протекающие в унисон краны.

Я сморгнул и осмотрел все помещение. В нем действительно никого не было.

— Приветтики, Хап, — услышал я голос откуда-то снизу. Я медленно опустил голову, и дуло последовало за моим взглядом.

Снизу мне махал будильник. Он выглядел усталым и весь был покрыт грязью.

И тут я вышел из себя.

— Ну все, гребаный урод! — заорал я истеричным голосом. — Наконец-то я раздолбаю тебя на куски!

— Хап, ты этого не хочешь...

— Нет, хочу.

— Не хочешь. Точно не хочешь. — Будильник стал быстро отступать в сторону входной двери.

— Интересно, почему? — завопил я, загоняя патрон в ствол с уверенностью, что никакие резоны со стороны будильника на меня не подействуют.

К этому моменту мы уже вышли на улицу, и спиной я чувствовал, как заправщик стоит с застывшей улыбкой и, открыв рот, пялится на нас. Может быть, с моей стороны не совсем правильно отыгрываться на будильнике, но мне было уже все равно. Это единственная потенциальная жертва, помимо меня самого, но я больше и сильнее. И мне действительно очень хреново. Как будто отморозил виски, а правый глаз заиндевел.

Будильник понимал, что его конец не за горами, поэтому быстро заговорил:

— Я пытался сказать тебе кое-что в том вонючем месте. Кое-что очень важное.

— И что же именно? — спросил я, прицелившись точно в индикатор времени. — Что у меня в четыре парикмахер?

— То, что я умею кое-что. Например, искать людей. Ведь тебя же я нашел, правда?

Держа руку на спусковом крючке, я заколебался за секунду до того, как будильник должен был исчезнуть с лица земли.

— И для чего ты мне это говоришь?

— Я знаю, где она.

Думаю, что занялся я этим делом так, как это выходит у большинства людей. Случайно.

Года полтора назад я остановился на ночь в Джексонвилле, в основном потому, что мне некуда было податься. В то время если я не находил ничего нового и интересного, то непременно оказывался именно в этом городе. Это напоминало йо-йо^[19]: игрушка всегда возвращается в выпустившую ее руку. На следующий день я собирался уезжать из Флориды, и как только это оказалось возможно, съехал с шоссе и направился в сторону зданий рядом с автобусным терминалом, где все всегда стоит дешевле.

Последний раз я работал две недели назад в баре рядом с Кресота-Бич — там я вырос. Хозяевам не понравилось, как я общаюсь с посетителями, а мне не понравился их подход к условиям труда и заработной плате. Так что наши отношения очень быстро закончились.

Я бродил по улицам, пока не наткнулся на ночлежку, носившую лиричное, волнующее название «Меблирашки Пита». На парне, который сидел за стойкой, была самая ужасная рубашка, которую я когда-либо видел — рисунок напоминал изображение дорожной катастрофы, сделанное человеком, начисто лишенным таланта, но имеющим в своем распоряжении неограниченные запасы краски. Я не поинтересовался, не зовут ли его Питом, но, скорее всего, это он и был. Выглядел он точно как Пит. Комната стоила 15 баксов за ночь, включая доступ в Интернет. Нормальные условия, хотя настолько противная рубашка явно намекала, что все тут не без скрытого подтекста. Возможно, об этом стоило поразмыслить подольше, но в поздний час меня это не волновало.

Моя комнатуха располагалась на четвертом этаже. Запах там был такой, будто ее не проветривали с момента моего рождения. Я достал из сумки выпивку и подтащил единственный полуразвалившийся стул к окну. Снаружи рядом с окном проходила пожарная лестница, которой не воспользовались бы даже крысы, внизу же все было залито желтым электрическим светом и доносился несмолкающий шум улицы.

Высунувшись в душную ночь, я наблюдал за идущими по улице людьми. Таких можно увидеть во всех больших городах — шелудивые псы, вынюхивающие след, который, как подсказывает им инстинкт, начинается где-то прямо за углом. Кто-то верит в бога, кто-то в летающие тарелки, а многие — в то, что за углом начинается путь, который приведет их прямо или к деньгам, или к наркотикам, или что там они считают своим священным граалем^[20]. Я всем им желаю удачи, не веря, правда, в нее. В своей жизни я попробовал почти все рецепты серии «ЗАРАБОТАЙ УЙМУ ДЕНЕГ ПРЯМО СЕЙЧАС!!!» и ничего не добился. Дороги, начинающиеся за следующим поворотом, обычно приводят туда же.

Хотя я вырос во Флориде, предыдущие десять лет провел на Западном побережье, по которому очень скучал. Однако по некоторым причинам вернуться туда я не мог, поэтому мне было все равно где жить. В то время мне казалось, что моя жизнь остановилась и должно произойти что-то глобальное, чтобы она опять пошла вперед. Реинкарнация, скажем. Меня уже посещали подобные мысли, но в тот период они стали очень навязчивыми. Ситуация была хуже некуда.

Так что я лег в постель и заснул.

Проснулся рано утром с каким-то странным ощущением. Вроде как слегка тормозил. Живот был пуст, а в глаза будто напихали скомканной бумаги. Часы показывали 7 утра. Совершенно невероятно: семь ноль ноль я наблюдаю только тогда, когда не сплю всю ночь.

Я понял, что слышу сигнал, и увидел на консоли возле кровати мигающую зеленую лампочку. Новое сообщение. Я нажал на кнопку приема. Экран на мгновение потемнел, потом возник текст:

«Прошлой ночью вы могли заработать 367,77 доллара. Хотите узнать больше — приходите сегодня на Хайуотер-стрит, 135. Ваш номер PR/43».

Возникла карта. Я бегло оценил ее: понятно.

367,77 бакса в баре — это много дней.

Я поменял рубашку и вышел из гостиницы.

* * *

К тому моменту, как я добрался до Хайуотер-стрит, интерес почти улетучился. Голова слегка кружилась, в ней не было никаких мыслей, словно всю предыдущую ночь я во сне занимался высшей математикой. Сил оставалось только на то, чтобы думать: хорошо бы где-нибудь позавтракать, а потом сесть на автобус и тупо смотреть на солнце, пока он куда-то меня везет.

Но я ничего этого не сделал. Не в моем характере останавливаться на полпути. Я шел по нужной мне улице, которая, к моему удивлению, вела меня все ближе и ближе к деловому центру города. Обычно люди, которые засыпают спамом консоли в дешевых гостиницах, работают из виртуальных офисов, но Хайуотер была широкой улицей, застроенной приличными зданиями. Дом № 135 оказался горой из черного стекла с вращающимися дверьми у подножия. В отличие от многих зданий, мимо которых я только что прошел, в этом отсутствовали стены-экраны, которые без устали превозносили достоинства и успехи работавших здесь людей. Здание многозначительно стояло, не выдавая своих секретов. Я вошел с видом упавшего, ищущего тенек.

Вестибюль был так же неинформативен и, как и фасад, убран черным. Все выглядело так, будто владельцам по случаю достались излишки черного, и они с удовольствием их использовали. Я шел по мраморному полу к стойке, расположившейся в дальнем конце зала, звук шагов гулко разносился вокруг. За стойкой в круге желтого света сидела женщина и смотрела на меня, подняв брови.

— Чем могу помочь? — спросила она таким тоном, что сразу стало ясно: вряд ли на самом деле собирается.

— Мне сказали, что я должен прийти сюда и назвать свой номер.

Произношение у меня всегда было лучше внешнего вида. Не могу сказать, что лицо женщины осветила улыбка, но она нажала какую-то кнопку и стала смотреть на экран компьютера:

— И ваш номер?..

Я назвал, и она какое-то время просматривала некий список.

— О'кей, — сказала она. — Нашла. У вас есть две возможности: первая — я выплачиваю вам сто семьдесят один доллар тридцать девять центов, и вы уходите без дальнейших выплат; вторая — вы поднимаетесь на правом лифте на тридцать четвертый этаж, и там с вами встретится сам мистер Страттен.

— А откуда взялась сумма сто семьдесят один доллар тридцать девять центов?

— Ваш возможный заработок с вычетом двадцати пяти долларов за обслуживание,

разделенный надвое и округленный до целого цента.

— А почему мне заплатят только половину денег?

— Потому что у вас нет контракта. А вот если вы поднимитесь и поговорите с мистером Страттенем, то это, возможно, изменится.

— И в этом случае я получу все триста шестьдесят семь?

— А вы, я вижу, не дурак, — подмигнула она мне.

Лифт был просто роскошный — тонированные зеркала, приглушенный свет, полное отсутствие шума и настоящий уют. В нем пахло деньгами, и деньгами большими. Когда двери открылись, я оказался в коридоре. На стене красовалось название «Снохран»^[21], выведенное большими хромированными буквами хорошо продуманного шрифта. Под ними располагался слоган:

КРЕПКИХ СНОВ — КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ!

Я пошел, куда указывала стрелка, и оказался у очередной стойки. На этот раз у девушки был значок с именем — Сабрина. И ужасно сложная прическа: явно несколько часов в руках додика-стилиста.

Внизу мне показалось, что девушка за стойкой разговаривала снисходительно, но по сравнению с Сабриной она была сама любезность. Последняя вела себя так, будто я какой-то жалкий грызун — явно хуже крысы, так, где-то уровня мерзких кротов. Через тридцать секунд, проведенных с этой девушкой, я почувствовал, как бактерии в желудке презрительно посмеиваются надо мной. Она предложила мне присесть, но я отказался: с одной стороны, чтобы досадить ей, с другой — никогда не сижу в приемных. Вычитал, что это с самого начала ставит в подчиненное положение. Вообще я спец по прохождению собеседований — жаль, что потом все обычно идет прахом.

— Доброе утро, мистер Томпсон. Меня зовут Страттен.

Я повернулся на голос и увидел мужчину с протянутой для приветствия рукой.

У него было мужественное лицо и начинающие сесть виски. Выглядел он как и любой другой мужчина средних лет в приличном костюме, только более... изысканно, что ли. Создавалось впечатление, что он — окончательная версия человеческого существа, а не тестовая, что обычно встречаются. Рука была сухой и теплой, как и улыбка.

Меня провели в небольшую комнату в стороне от главного коридора. Страттен сел за стол, а я приземлился на свободный стул.

— Итак? — спросил я, стараясь казаться расслабленным. Что-то в сидящем напротив человеке сильно меня нервировало. Я никак не мог определить акцент. Скорее всего, Восточное побережье, но сильно сглаженный, усредненный — как будто актер пытается скрыть свое прошлое.

— Взгляните, может быть, что-то покажется вам знакомым, — сказал он, наклонившись вперед и повернув консоль ко мне. Та защелкала, зажужжала, появилась надпись: PR/43@18/5/2016.

Экран потемнел, потом появился коридор. Камера — если только это была камера — двигалась по нему, вдоль изжелта-зеленых стен. Слева начинался еще один коридор. Камера повернула туда и показала, что он ничем не отличается от предыдущего. Теперь она двигалась чуть быстрее и через какое-то время опять повернула, обнаружив еще один абсолютно идентичный коридор. Похоже, ни в коридорах, ни в поворотах недостатка там не

было. Редкие потертости и дефекты на оливковых стенах слегка разбавляли общую монотонность, но коридоры казались бесконечными.

Через пять минут я поднял глаза и увидел, что Страттен внимательно наблюдает за мной. Я отрицательно покачал головой. Мужчина что-то записал на листке бумаги, а потом быстро напечатал на клавиатуре консоли.

— Не слишком впечатляет, — произнес он. — Видно, у донора проблемы с воображением. И потом, когда наблюдаешь только за картинкой, многое теряется. Попробуйте вот это.

Изображение на экране изменилось. Появилась пара рук, которые держали кусок воды. Я понимаю, «кусок воды» — выражение бессмысленное, но именно так все и выглядело. Руки нервно гладили жидкость, в динамиках послышался спокойный мужской голос.

— *Ну, не знаю,* — произнес он с сомнением. — *Около пяти? Или шесть с половиной?*

Руки положили воду на полку и взяли следующий кусок. Этот был поменьше. Голос на минуту запнулся, а потом произнес с гораздо большей уверенностью:

— *Точно два. Максимум два и одна треть.*

Руки положили второй кусок на первый. Куски воды не слились, а остались каждый сам по себе.

Одна из рук исчезла с экрана, раздался звук, похожий на легкий металлический скрип. Именно в этот момент я стал о чем-то догадываться.

— Теплее? — заметил Страттен.

— Может быть, — ответил я, нагибаясь поближе к консоли.

Угол обзора слегка изменился, и теперь я увидел потрепанный шкаф для документов. Один ящик был открыт, и руки осторожно доставали из него куски воды — теперь я видел, что куски аккуратно сложены в стопки по размерам, — и перекладывали на другие полки. Время от времени обладатель голоса ругался себе под нос, брал какой-нибудь кусок и возвращал его в стопку, хотя не обязательно в ту, из которой вынул. Руки двигались все быстрее и быстрее — клали воду, вынимали воду, а человек низким голосом называл разные цифры.

Я смотрел на экран и настолько погрузился в разворачивающееся на нем действие, что совершенно не обращал внимания на окружающую действительность. Совсем забыл о Страттене, и когда заговорил, обращался скорее к себе самому:

— У каждого куска воды своя ценность, не связанная с размером. Где-то между единицей и двадцатью семью. Куски, находящиеся в ящиках, должны иметь одинаковую общую ценность, однако никто не сказал ему, как определить ценность отдельного куска.

Экран почернел, и я увидел лицо Страттена, который, улыбаясь, смотрел на меня.

— Значит, вы помните... — сказал он.

— Это сон, который я видел перед тем, как проснуться сегодня утром. Какого черта, что здесь происходит?

— Прошлой ночью мы позволили себе некую вольность, — пояснил Страттен. — У нас определенные договоренности с владельцем гостиницы, в которой вы остановились. Мы субсидируем его расходы и ставим в комнатах наши консоли.

— Зачем? — спросил я и, машинально опустив руку в карман, достал сигарету. Вместо того чтобы закричать на меня или вышвырнуть вон из комнаты, Страттен просто открыл ящик и протянул мне пепельницу.

— Мы постоянно ищем новых людей. Людей, которым нужны деньги и которых не

слишком волнует происхождение финансов. И поняли, что поиск в гостиницах — наилучший способ.

— Отлично, считайте, что вы меня нашли. И что из этого?

— Хочу предложить вам работу в качестве снохрана.

— Тогда вам лучше объяснить, что это.

И он объяснил. Довольно пространно. Вот суть.

За несколько лет до нашей встречи какой-то умник научился в режиме реального времени извлекать сны из головы спящего. Прибор помещался рядом с головой достаточно обеспеченного клиента и следил за появлением электромагнитных волн определенного типа, после чего стирал то ментальное состояние в мозгу спящего, индикаторами коего они являлись. Правительство от этой идеи было совсем не в восторге, но изобретатели наняли адвоката, натасканного на квантовые законы, и теперь уже никто не был в состоянии определить юридический статус процедуры. «Все зависит от...» — так начинались все наиболее точные оценки.

Тем временем возникла соответствующая индустрия.

Естественно, главной целью являлись кошмары. Но они снятся не слишком часто, и клиентам не хотелось платить деньги за оборудование, которым они пользовались раз в два-три месяца. Они соглашались платить только за каждый кошмар по отдельности, а людям, которые вложились в это изобретение, хотелось побыстрее отбить инвестиции. Кроме того, кошмары обычно не так ужасны, как думают, а если и таковы, то во многих случаях содержат довольно важную для спящего информацию. Если вы до потери пульса пугаетесь чего-то во сне, у этого наверняка есть весомая причина.

Поэтому постепенно рынок переключился на тревожные сновидения. Они похожи на кошмары, но обычно не такие страшные. Снятся людям в состоянии сильного стресса, или сильно уставшим, или тем, кого что-то сильно беспокоит. Очень часто они состоят из сложных и в то же время малосущественных заданий, которые спящие вынуждены выполнять до бесконечности, не понимая, для чего они это делают, и часто начинать сначала. В тот самый момент, когда вам снится, что вот-вот станет понятно, что происходит, вы переключаетесь на что-то еще, и цикл запускается заново. Тревожные сны возникают или сразу же после того, как вы засыпаете — и в этом случае весь ночной отдых идет насмарку, — или за два-три часа до пробуждения. В любом случае человек просыпается уставшим и измученным и не может заставить себя работать, потому что по его ощущениям рабочий день только что закончился.

Эти сны снятся гораздо чаще, чем ночные кошмары, и посещают в основном сотрудников, находящихся на высоких и очень высоких постах, то есть именно тех, кого изначально рассматривали как основных потребителей услуги по стиранию снов. Владелец технологии поменяли цель, переписали кое-что в своих рекламных материалах и стали зарабатывать приличные деньги.

Но вскоре возникла серьезная проблема.

Оказалось, что сны невозможно просто стереть. Не так все работает. Через восемнадцать месяцев компания стала получать все больше и больше жалоб — и в конце концов ей пришлось выяснить, что же происходит на самом деле.

Когда стирают сон, уничтожается только его внешнее проявление, то есть изображение, которое разворачивается перед спящим. А вот сама физическая субстанция сна, которую невозможно выделить, остается. И чем больше снов стирает клиент, тем больше остается

этой субстанции — она невидима, неуничтожима, но обладает определенной массой. Субстанция остается в комнате, в которой был стерт сон, и примерно через тридцать стираний та становится непригодной для проживания. Входя туда, попадаешь как бы в ураган, состоящий из борющихся друг с другом подсознательных импульсов, и это невозможно выносить. Через несколько недель остатки снов переплетаются еще сильнее, и воздух в комнате становится таким густым, что невозможно уже и войти.

К сожалению, клиенты, которые могут себе позволить процедуру стирания снов, прекрасно разбираются в юриспруденции, и после того как компании пришлось выплатить несколько крупных сумм в порядке досудебного решения конфликтов, касавшихся невозможности проживания в помещениях, она занялась поисками решения проблемы. Сначала пытались хранить сны в информационных банках, вместо того чтобы полностью их стирать. Тоже не сработало. Некоторые из снов исчезали с жестких дисков, независимо от того, как тщательно охранялись.

Решение пришло неожиданно. Ведь стертые сны никто не смотрит! Может, если их все-таки использовать...

И компания пошла на риск. Передатчик был соединен с приемником, который стоял рядом с головой добровольца, — два тревожных сновидения были успешно перенаправлены в мозг волонтера. Клиент проснулся отдохнувшим и полным сил, готовый к еще одному дню мучений в денежных шахтах. Доброволец провел неприятную ночь, полную дерьмовых снов, которые он никак не мог вспомнить, но получил приличную сумму.

В комнате не обнаружилось никаких остатков. Сон просто исчез. Деньги опять потекли рекой.

— И именно это вы проделали со мной прошлой ночью? — спросил я Страттена, слегка разозлившись из-за того, что в мой мозг проникли без моего разрешения.

Он театрально всплеснул руками.

— Поверьте, вы об этом не пожалеете. Все люди отличаются друг от друга в смысле способности переносить чужие сны. Большинство в состоянии просмотреть без особых проблем пару снов за ночь. Максимум три. Иначе они чувствуют себя совершенно разбитыми и с трудом переносят наступивший день. Поэтому обычно работают через ночь, но при этом умудряются зарабатывать по восемь-девять сотен в неделю. Вы же — другое дело.

— Что вы имеете в виду? — Я знал, что это только тактический ход с его стороны, но мне было наплевать.

— Прошлой ночью вы без видимых проблем просмотрели четыре сна. Те два, что вы только что видели, и еще пару, причем один из них настолько занудный, что я не смог досмотреть до конца даже картинку. Возможно, вы смогли бы проспать еще парочку. Вы можете зарабатывать большие деньги, мистер Томпсон.

— Большие — это сколько?

— Мы платим за продолжительность сна и дополнительные бонусы, если сон слишком сложен или зануден. Прошлой ночью вы насмотрели на триста долларов, и это не говоря о бонусе за самый занудный сон. В зависимости от того, как часто вы будете работать, сумма может составить от двух до трех тысяч долларов. В неделю. — И тут он захлопнул ловушку. — Платим наличными. Стирание снов с юридической точки зрения вещь все еще достаточно нестабильная. Так что мы стараемся сбивать с толку некоторых представителей официальных структур.

Он улыбнулся. Я улыбнулся в ответ.

За три сотни баксов в баре живот себе надорвешь.
Решиться было нетрудно.

* * *

Я подписал контракт с пунктом о неразглашении. Мне передали в аренду приемник и объяснили основные правила. В общем-то, я мог спокойно разъезжать по материковой части США, следя только за тем, чтобы во время сна устройство находилось на расстоянии не больше шести футов^[22] от моей головы. Мне не надо было ложиться спать в какое-то определенное время, потому что сны, зарезервированные за мной, хранились в банке данных. Как только прибор обнаруживал, что я в фазе быстрого сна, он запускал воспроизведение. Когда я просыпался утром, на экране консоли видел всю свою ночную работу в виде электронных сообщений: продолжительность каждого сна, когда он начался и закончился, был он бонусным или нет.

Внизу каждого листа помещались хорошие новости. Цифра в долларах. Я понял, что без большого напряжения могу смотреть шесть-семь снов за ночь. Иногда после ночи у меня кружилась голова, и мне трудно было сосредоточиться на чем-то более сложном, чем бездумное курение; в этом случае я пропускал следующую ночь.

Через полгода меня вызвали в офис, и Страттен спросил меня, не хочу ли я увеличить количество бонусных снов.

— Почему бы нет? — ответил я, и мой заработок резко пошел в гору.

В Сети я познакомился с хакером по имени Квот и нанял его, чтобы он создал для меня программу-демона, чтобы крутить деньги между несколькими виртуальными счетами. Время от времени налоговая служба или еще какая-нибудь похожая крысиная контора арестовывали один из счетов — и мне не оставалось ничего другого, кроме как, оплавав потерю, продолжать безостановочно крутить деньги. А еще я заплатил Квоту за то, чтобы он слегка подчистил архив Управления полиции Лос-Анджелеса, и теперь мог спокойно вернуться в Калифорнию.

И в то время все у меня было отлично. Я путешествовал по стране — теперь уже как человек с деньгами, а не нищий в поисках заработка. Через какое-то время я привык к хорошей одежде и дорогим гостиницам. И еще кое к чему — к тому, что появляется вместе с деньгами, — например, к определенному уважению и к партнершам по постели, которые не выкатывают тебе счет, не успев толком проснуться. Если хотел, поддерживал с людьми связь по телефону, через Сеть, а иногда просто навещал их лично. Пару раз высаживался в Лос-Анджелесе и чувствовал себя там вполне комфортно. Подумывал даже переехать.

Конечно, были и отрицательные моменты. Скука. Истощение после ночи бонусных снов, эмоциональное опустошение от того, что я вечно находился в пути и не заводил отношений, которые длились бы дольше трех-четырех дней. Иногда наступали периоды, когда я чувствовал себя довольно странно, но позже понял: я вижу слишком много чужих снов и совсем не вижу собственных. Когда такое случалось, я полностью отключался, позволял своей психике нагнать упущенное и как следует порезвиться.

Наконец-то я нашел безопасную работу, которая мне нравилась и за которую мне платили большие деньги.

Казалось бы, на этом можно остановиться.

Но пять месяцев назад мне позвонил Страттен. Это произошло рано утром, я был в отрубе в огромной постели люкса на последнем этаже отеля в Новом Орлеане, а вокруг все напоминало о крутых ночных развлечениях. Большую часть времени я уже проводил в Лос-Анджелесе, где купил квартиру в Гриффите, которую называл своим домом. Так как нам не рекомендовалось надолго задерживаться в одном и том же месте, я много путешествовал, чтобы поддерживать имидж скитальца.

Имени женщины, которая лежала рядом со мной, я вспомнить не мог, но оказалось, что она умеет фантастически ловко управляться с телефоном. Я еще не понял, что он звонит, а она уже поднесла трубку к уху. Когда она протянула ее мне, я сел — голова кружилась и была полна каких-то обрывочных воспоминаний и смутных сомнений. Я сдержался и не стал смотреть, сколько заработал этой ночью. Судя по тому, как я себя чувствовал, сумма должна была быть немаленькой.

— Мистер Томпсон, — произнес мужской голос, и я стал быстро приходить в себя. — Кто ответил на звонок?

— Не знаю, — промямлил я и понял, что мой ответ звучит по меньшей мере глупо. — А в чем, собственно, дело? Какого черта?

— Полагаю, вы познакомились совсем недавно?

— Да, — ответил я и посмотрел туда, где стояла женщина. Мне показалось, что ее зовут Кэнди, хотя, вполне возможно, и Синди. Мне она нравилась, и у меня было такое чувство, что я ей тоже. Интересно, подумал я, не захочет ли она провести со мной какое-то время? По крайней мере, пока я не вернусь в Лос-Анджелес. В этот момент она готовила кофе и была абсолютно обнажена, поэтому я надеялся, что Страттен скоро закончит.

— Вчера вечером, так? — услышал я его вопрос. Отпираться не имело смысла. — И теперь она у вас в номере и сняла трубку после первого же звонка.

— Ну и что? — Я сделал глоток пива из бутылки, стоявшей возле кровати.

— Сами подумайте.

Я смотрел, как Кэнди кладет сахар в кофе. Ровно столько, сколько нужно. Я понял, на что он намекает.

— Не гоните пургу, — сказал я. Кэнди подмигнула мне и скрылась в туалете.

— Избавьтесь от нее побыстрее и приезжайте в офис, — велел Страттен. — Есть предложение. — Он отключился.

Я вылез из кровати и убрал приемник в чемодан. Дисплей показывал, что я заработал около тысячи долларов. Когда Кэнди, чистенькая, хорошенькая и готовая к продолжению банкета, появилась из ванной, я сказал, что мне на какое-то время надо уехать. Она здорово расстроилась, потом вроде бы немного отошла, но тут же опять расстроилась. Очень старалась задержать меня. А когда поняла, что ей это не удастся, сказала, что останется в номере и будет ждать. Сколько надо.

Можете считать, что у меня низкая самооценка, но женщины обычно не ведут себя так после одной ночи, проведенной со мной. Чтобы меня понять, надо распробовать. Пусть я сомневался, но такого ее поведения хватило, чтобы заставить меня собрать вещи и удалиться, оставив ее кричащей в дверях. В лифте я сделал то, что по инструкции должен был сделать в подобных обстоятельствах — нажал укромную кнопку. Из приемника раздался негромкий

хруст, панель стала черной. Прибор умер — начинка выгорела начисто.

В самолете я задумался, почему Кэнди — если она действительно федеральный агент — не сделала что следует, когда я спал. Единственное, в чем можно быть уверенным, когда речь идет о снохране, так это в том, что ночью он обязательно будет спать. Может быть, ей нужно было поговорить со мной, выяснить имена или что-нибудь в этом роде? Я всегда только нарушал закон, поэтому не знаю, как ведут себя в таких случаях хорошие парни. Может быть, они обложили меня как потенциального свидетеля против Страттена: тогда ясно, его они не видели. Но это не имело значения. В любом случае мне надо попасть в офис и взять там новый приемник. Скрючившись за столом в неприметном кафе за углом, я, прежде чем войти в здание, выпил не менее галлона кофе и выкурил не меньше полпачки сигарет. Обычно туман в голове почти полностью исчезал после пары чашек, а через пару часов от него не оставалось и следа, но в то утро я чувствовал себя так, будто никогда в жизни не спал. А я хотел быть в хорошей форме, чтобы оценить любое предложение Страттена, но потом решил, что хорошо уже то, что я не засыпаю на ходу, и поплелся в офис.

На этот раз мы сидели не в переговорной, а в кабинете Страттена. Он был ненамного меньше, чем стандартное футбольное поле, но мы, по счастью, сели в углу, так что кричать не пришлось. Я сказал, что выполнил его распоряжение, он улыбнулся в ответ. Потом я добавил, что сжег приемник в соответствии с инструкцией и что мне нужен новый. Он улыбнулся еще раз, а потом заговорил.

Я не имел об этом ни малейшего понятия, но многие из самых важных клиентов компании теперь требовали, чтобы их сны смотрел именно я. Большинство снохранов оставляют после себя мелкий мусор — личные особенности клиентов, которые не способны переварить. Я же удалял абсолютно все — ни шепотка, ни малейшей тени не оставалось. Именно за это мне и платили бонусы. И именно поэтому Страттен хотел предложить мне более доходную работу.

Воспоминания.

Как только слово было произнесено, я отчаянно замотал головой. Воспоминания тоже можно экспортировать, но в этом случае система работает не так, как со снами. Их невозможно стереть, потому что они связаны со случившимся в реальности. Можно только спрятать или перенести на другой носитель, временно или навсегда, но и в том, и в другом случае это абсолютно противозаконно.

Начнем с того, что это исключает возможность использовать полиграф. Если подозреваемый ничего не помнит о совершенном преступлении, то для него не составляет труда обдурить детектор лжи. Это даже нельзя назвать обманом. Для самого подозреваемого преступления просто нет.

И вот еще что: люди — это их память. Ты — то, что с тобой случалось. Если убрать воспоминания о детских происшествиях, в результате коих ребенок узнает, что такое хорошо, а что такое плохо, получится личность, с которой очень сложно иметь дело. Ей все равно. Такие люди не понимают, почему нельзя воровать, насиловать и убивать, и поэтому им проще воровать, насиловать и убивать, чем человеку с памятью. А если их все-таки поймают, что весьма маловероятно, то достаточно еще одной манипуляции с памятью, и полиграф ничего не покажет.

Круг проблем очертился во время рассмотрения в суде прецедентного дела ^[23]восемнадцать месяцев назад. Внештатный снохран, согласившийся взять на себя часть воспоминаний о преступлении, получил два пожизненных — ровно в два раза меньше, чем

получил бы настоящий преступник, если бы его приговорили.

Проще говоря, воспоминания были занятием без больших перспектив, что я и высказал Страттену. Он внимательно меня выслушал, а когда я наконец замолчал, не стал нарушать тишину, установившуюся в кабинете. После долгого молчания, когда мне уже казалось, что все сказанное мной было сказано другому человеку и в другое время, он заговорил:

— Правильно, — произнес он, — обслуживание криминальных воспоминаний дело противозаконное.

— Отлично, — вежливо согласился я. — В таком случае эта тема закрыта. Где я могу получить новый приемник?

— И в то же время, — продолжил Страттен, как бы не услышав, — воспоминания, о которых говорю я, не имеют никакого отношения к противоправной деятельности. Я говорю о вещах тривиальных — и только о временной передаче воспоминаний.

— Если они такие уж тривиальные, то пусть с ними разбираются сами клиенты, — предложил я. — А если речь идет о временном лишении воспоминаний, посоветуйте им выпить пару пива вместо этой ерунды. Спасибо, и еще раз спасибо, но нет. И еще раз нет.

— Пять тысяч долларов за воспоминание, — сказал он. Я замолчал, не успев произнести следующее слово. — Воспоминание вполне может оказаться единичным, абсолютно личным и не задержится у вас в голове дольше недели. Скорее всего, не дольше нескольких часов. За следующий год влегкую сможете заработать четверть миллиона. Кроме того, продолжите работать со снами.

Он замолчал, предоставив мне возможность немного подумать. И я задумался. О семизначном заработке в год. Последняя пара лет была неплоха, грех жаловаться, но достаточно ли ты богат — всегда познается в сравнении. Когда ты уже купил все, что можешь позволить себе со своим уровнем достатка, начинаешь поглядывать в сторону того, что пока позволить не можешь. И появляется желание это заполучить.

А можно посмотреть по-другому: пара лет работы, несколько удачных инвестиций — и больше никогда не придется напрягать извилины.

— Нет, — еще раз произнес я. Я знал, что у меня есть, и меня все это устраивало.

— Думаю, ответ изменится, если спросите, где получить новый приемник, — сказал Страттен.

Я все еще не мог прийти в себя после ночной работы, поэтому не понимал, к чему он ведет. И я тупо повторил его вопрос:

— Где?

— Если не примете моего предложения, то нигде, — ответил Страттен. — Или беретесь за воспоминания, или уволены.

— А вы настоящий сукин сын, — произнес я, уставившись на него.

— Слышал такое мнение, — его улыбка ничуть не изменилась, и я вдруг понял, что эта гримаса совсем не улыбка и никогда, пожалуй, ею не была.

Какое-то время я молча смотрел в окно, просто чтобы заставить его понервничать. Теперь я понял, что совсем не понравился Кэнди и что она не федерал. Она была манипулятором и работала на Страттена. Именно от нее он узнал, что я только что проснулся и что не в состоянии правильно оценить ситуацию после ночи бонусных снов и веселья в постели. Он не промахнулся — Кэнди отлично справилась с заданием.

Я осознал, что не могу определить, на что способен Страттен, как не могу больше сказать, на что способна женщина. Не знаю, что из этого хуже.

Я попался, и Страттен это знал. Без этой работы я скоро опять окажусь на улице. Конечно, у меня были кое-какие деньги, двигавшиеся по рельсам, проложенным для них Квотом, но их недостаточно. Слишком много профукано.

А поработав с воспоминаниями, смогу купить себе бар, если возникнет необходимость.
— Согласен, — сказал я Страттену.

В два тридцать ночи я наконец увидел, как она идет по улице в направлении маленькой гостиницы, которая находилась на пару кварталов в сторону от проспекта. Гостиница носила имя «Нирвана», но поскольку со стен сыпалась краска, а обслуживание в номерах прекращалось в десять вечера, мне показалось, что название мало соответствует сути. Я сидел в забегаловке напротив, пил паршивый кофе и убивал время. Ее узнал мгновенно. Лора Рейнольдс. Никаких сомнений.

Я впервые видел своего клиента, и в этом было что-то раздражающее и неправильное. Все равно что вспомнить, что ты умер, или встретить двойника, который на тебя абсолютно не похож. Лоре Рейнольдс было около тридцати, она была худой и нервной, и создавалось впечатление, что она отчаянно пытается вспомнить, как жить налегке после стольких лет попыток это забыть. Она шла походкой человека, проводшего большую часть вечера в баре, и в свете неоновых реклам под косым дождем больше всего напоминала компьютерного персонажа, который неожиданно попал в другую игру без инструкций.

На какую-то секунду я почувствовал к ней симпатию — я ощущал себя точно так же.

— Это же она? — спросил будильник, стоявший на стойке рядом с чашкой остывающего кофе. Я разрешил ему доехать до Лос-Анджелеса со мной. Показалось, что так будет справедливо.

— Я твой должник, — кивнул я ему.

Будильник отказался сообщить, откуда он знает, где находится женщина, сказав, что это хроносекрет. Рано или поздно я его расколю, но сейчас меня это не интересовало. Главное, я нашел Лору Рейнольдс.

Я посидел еще несколько минут на тот случай, если работник гостиницы «Нирвана», которого я о ней расспрашивал, забыл о полученном от меня полтиннике и сообщении, что женщину разыскивают. Когда по прошествии пяти минут ничего не произошло, я слез со стула и слегка качнулся. Облокотившись на стойку, поморгал и подождал, пока в голове немного прояснится.

Будильник подозрительно посмотрел на меня, продолжая счищать с себя грязь при помощи салфетки и стакана воды, который я попросил принести ему.

— Что ты собираешься делать?

— Просто смотри, — ответил я, не имея ни малейшего понятия. Мой первый план заключался в том, чтобы переговорить с ней. Объяснить, что она поступила плохо, заставить забрать свои воспоминания. Я по натуре неисправимый оптимист. Если это не сработает, я верну воспоминания силой. В любом случае Лора Рейнольдс должна была уехать со мной. Мне надо было, чтобы она оказалась в комнате, где находился мой мнемоприемник, а еще надо было раздобыть где-то мнемопередатчик — именно поэтому я и звонил Квоту. Если потребуется убедить, покажу оружие. Правда, в забегаловке я не стану его доставать. Ребята за стойкой выглядели гораздо круче меня, и если бы они хоть краем глаза увидели мою игрушку, то, наверное, достали бы базуки. Если они работают по контракту, то все не так страшно, — но вдруг они свободные художники, готовые сначала пришить меня, а уже потом начать выяснять, нет ли на мой труп желающих. И сколь ни грустно это было осознавать, они могли таких найти. Я засунул будильник в карман, положил пару долларов под чашку и вышел на улицу.

Там было холодно, и я постоял несколько мгновений, проклиная одну кинокомпанию. Пару лет назад она снимала северный Мэн на площадке «Мицубиси». Морочиться со всеми этими машинами по производству снега, ветродуями и так далее съемочной группе не хотелось, поэтому они получили разрешение на изменение микроклимата в день съемок. Естественно, что-то у них там не сложилось, и теперь невозможно было предугадать, какая в районе будет погода. Сейчас здесь все гораздо больше напоминает сумасшедший дом, чем раньше, но фильм с большим успехом прошел в Европе, поэтому никто не решается жаловаться.

Я перебежал улицу, опустив голову и засунув руки в карманы, полностью вписавшись в пейзаж: человек ищет укрытие от дождя. На углу увидел машину, а прямо перед ней полицейский транспорт. Двое парней стояли, положив руки на капот и раздвинув ноги. Один из полицейских что-то методично топтал на тротуаре, и я расслабился — обычная облава на курильщиков.

В фойе гостиницы было полутемно и тихо. Вдоль стен в горшках стояли несколько вялых растений, ковер выглядел сравнительно чистым. Гостиница относилась к тому типу мест, про которые невозможно понять, для чего они существуют — ни достаточно дорого, чтобы приехать сюда специально, ни достаточно дешева, чтобы стать единственным пристанищем, которое можно себе позволить. Одно из длинной череды заведений, между которыми болтаются коммивояжеры и другие личности с ограниченным бюджетом. Все номера подвергаются обязательной санитарной обработке, в каждом непременно лежит Библия. Я останавливался в тысячах таких, а их постояльцев хватило бы на небольшую страну. Серые, ничем не отличающиеся друг от друга комнаты, обслуживающий персонал, которому хуже горькой редьки надоели постояльцы, одинокие мужчины неопределенного возраста, каждый вечер в одиночестве сидящие в ресторане.

У них влажные после душа волосы, джинсы с вьевшейся грязью. Они ехали целый день и вот теперь что-то жуют и смотрят перед собой, а в глазах притаилась тоска, появившаяся там после изучения расписания порноканалов. Меня всегда удивляло, почему у этих гостиниц нет собственных кладбищ на заднем дворе, а постояльцам разрешается возвращаться в нормальное общество, после того как их в конце концов настигнет инфаркт.

Работника, с которым я вошел в контакт, нигде не было видно, что меня устраивало. Если мне придется возвращаться этим же путем в компании сопротивляющейся женщины, то чем меньше свидетелей, тем лучше. Номер Лоры Рейнольдс находился на втором этаже, и я воспользовался лестницей. Нельзя допускать, чтобы лифты слишком много о себе воображали. На каждой площадке стояли цветы в горшках — они были подозрительно неподвижны, словно за секунду до моего появления всю сплетничали друг с другом.

Коридор оказался длинным и тихим. Несколько минут я простоял под дверью, но внутри не было слышно никаких звуков. Здесь я понял, что мне бы стоило наехать на подкупленного работника и обзавестись вторым ключом от номера на тот случай, если она не захочет меня впустить. Вполне возможно, он нашел бы какие-нибудь глупые возражения, но я специалист по решению такого рода вопросов. Или был таковым в прошлом. Я даже не подумал о том, как попасть в комнату, и это явно свидетельствовало о потере квалификации. Дверь на худой конец можно и вышибить, но это не так просто, как кажется, да и шум поднимется невообразимый, а этого не хотелось бы. Бормоча себе под нос ругательства и смирившись с тем, что мне все-таки придется спуститься вниз и разыграть там идиота, я на всякий случай дернул ручку.

Дверь оказалась открыта.

Секунду я стоял на пороге, ожидая, когда начнется крик. Он не начался, поэтому я аккуратно открыл дверь.

Внутри номер ничем не отличался от сотен таких же в гостиницах среднего уровня. Раздолбанный буфет со стоящим на нем древним телепьютером. Дальше — круглый стол с лампой, на нем россыпь проспектов, приглашающих посетить местные достопримечательности. Что бы это, мать его, ни означало. И я все еще ничего не слышал, ни периодических вздохов, ни почти неслышных мелодий, которые люди в одиночестве обычно напевают себе под нос, чтобы оживить окружающую тишину.

Я вошел в небольшой тамбур и бесшумно закрыл за собой дверь. Справа от меня был шкаф с несколькими платьями, висящими на дурацких вешалках, смоделированных так, чтобы их нельзя было украсть — по-видимому, администрация таких гостиниц уверена, что люди готовы платить 70 долларов за ночь, чтобы утащить на доллар вешалок. Кому это нужно? В следующем отеле их ожидают точно такие же вешалки, так ведь? К тому же на них невозможно даже повесить рубашку в ванной, пока принимаешь душ — мой фирменный метод глажки.

Я осторожно вошел в комнату. Дверь в ванную была плотно закрыта, доносился звук текущей воды.

Я отпустил пистолет, который сжимал в кармане, и осмотрелся. На одной из кроватей лежал небольшой чемодан, полный небрежно сложенного дорогого нижнего белья. Бутылка водки стояла на прикроватном столике, пустая на одну треть. Если не считать этого, женщина почти не нарушила порядка, точно здесь жил какой-то бесплотный дух, немедленно и тщательно убирающий за собой. Прикроватные часы с чайником смотрели на меня широко раскрытыми глазами, но я приложил палец к губам, и они не издали ни звука.

Я вернулся к входной двери и запер ее. Потом повернулся к шкафу, без особых усилий снял с вешалок платья и постарался аккуратно сложить их в чемодан. Потом я застегнул его, налил себе чуть-чуть и уселся в кресло ждать. Скорее всего, она выйдет, закутанная в полотенце — так поступает большинство людей, даже когда они одни в номере. Если нет, придется отвернуться. Я не собирался врываться прямо в ванную — наоборот, постараюсь быть вежливым, ведь эти несколько минут изысканного поведения позволят потянуть время, пока не уберутся полицейские на углу.

Я убивал время, читая гостиничные проспекты, из которых узнал о жгучем желании персонала и администрации воплотить в жизнь любые мои пожелания. Скорее всего, они обращались к людям, платящим за комнаты, но я тем не менее написал записку с просьбой обеспечить наличие нормальных вешалок. Я также выяснил, что в стоимость номера входит бесплатный континентальный завтрак, что, как всегда, вывело меня из себя. Континентальный завтрак? Скорее потенциальный. Вы спите восемь часов кряду, бороздя юнгианские ^[24] моря бессознательного, и что же вам предлагают по возвращении в мир-тюрьму?

Круассан.

Что? Не сосиски? Не яйца? И даже не хреновы картофельные оладьи? Какой толк от этого круассана, особенно натошак с утра? Но все берут его, притворяясь, что это еда, хоть дома ни за что бы не стали есть. Гостиницы по всему миру уцепились за континентальный завтрак не потому, что им можно наесться, и не потому, что люди реально его хотят, а только потому, что он ничего не стоит, и приготовление его не требует больших усилий. Когда в

гостинице вам предлагают континентальный завтрак, это значит: «у нас нет нормального завтрака» или «у нас есть нормальный завтрак, но за него придется платить отдельно».

* * *

После того как с подачи Страттена я стал хранить чужие воспоминания, моя жизнь мало изменилась, по крайней мере на первый взгляд. Я все так же мог ездить практически куда угодно, хотя теперь более тщательно заметал следы. Отказался от партнерш на одну ночь и совсем об этом не жалел. Если вы ощущаете себя живым, лишь каждый день держась за новую грудь, вы не доставляете удовольствия ни себе, ни партнерше. Я закрыл старые кредитные карты и сделал новые на фальшивые имена. Пару ночей в неделю работал со снами, чтобы не потерять квалификацию, а пару раз в неделю мне звонили и называли уединенное место, куда я должен был в определенное время прибыть со своим новым приемником. Мне надо было сообщать о своем местонахождении абсолютно точно, потому что воспоминания тяжелее снов, и их можно сбрасывать только в определенную точку. Но я всегда тщательно следил за тем, чтобы смотаться оттуда не позже чем через час. Кроме того, я следил, чтобы во время сброса рядом со мной никого не было, потому что когда возвращаешь или получаешь воспоминания, мозг практически беззащитен и ввести в него какую-нибудь гадость не составит большого труда.

Мгновение черной пелены, и вот уже чья-то жизнь у меня в голове. Иногда фрагменты этой жизни были длиной в несколько часов, но в основном гораздо короче. Я хранил их полдня, несколько дней, максимум неделю, потом еще один сеанс — и у меня их забирали.

Большинство воспоминаний были достаточно примитивны. Мне никогда не говорили о том, почему клиент хотел сдать их на хранение, но догадаться о причинах было довольно просто. Раз в неделю мужик забывал о том, что женат, чтобы не испытывать угрызений совести за то, что проводит время с любовницей. Какой-то чиновник хотел забыть урок высокой морали, преподанный ему когда-то его матерью, чтобы было проще переспать с коллегой. Женщина хотела забыть о резких словах, которые сказала когда-то своему младшему брату ровно за минуту до того, как его сбила машина, — просто для того, чтобы немного побыть в покое.

Подростковые эксперименты с лицами одного пола. Финансовые махинации. Жаркие обеденные перерывы с полулегальными проститутками. Стандартная обыденность греха.

Другие воспоминания были полюбопытнее. Такие, например, фрагменты, как кошка, идущая по стене, прыгающая на землю и скрывающаяся за углом. Смеющееся лицо девушки на фоне изящно клонящихся на ветру ветвей. Звук потока, текущего под окном спальни в тишине ночи. У меня никогда не было полной картины, лишь маленькие фрагменты, и я не догадывался, почему люди готовы платить пять штук, лишь бы хоть выходные провести без них.

Для человека вроде меня странно раз в неделю быть абсолютно уверенным, что ты замужем за кем-то по имени Давид. Я знаю себя как вменяемого парня, поэтому маловероятно, чтобы я мог забыть нечто подобное, если бы это произошло лично со мной. В некоторых воспоминаниях встречались сильные моменты, более полно вскрывающие сущность владельцев: маленькие параллельные вселенные, мимолетные картины возможных жизней и судеб. Но по большей части они оказывались уже приготовленными к тому, чтобы

быть задвинутыми куда подальше, так что проблем не возникало. Я окружал их собственным сознанием, изолируя содержащуюся в них информацию, и когда их у меня забирали, следов не оставалось. Я обычно мог легко вспомнить, что за воспоминание гостило у меня в голове, но после выемки оно уже никогда не путалось с моими собственными.

Не знаю ничего о побочных эффектах. Может, и были такие. Я обнаружил, что быстрее устаю и реже безобразничаю, но на то мог быть десяток причин. Я слишком долго был неприкаемым. Может, подошло время осесть и остепениться? Но тогда придется завязать со снами и воспоминаниями, ведь стационарный объект легко могли обнаружить федералы. Я знал, что мое занятие довольно безобидно, но официальные лица могли думать иначе. Кроме того, я не был уверен, что готов отказаться от своего заработка, что Страттен отпустит меня. Оставался и вопрос, с кем я собираюсь осесть. У меня были хорошие друзья в Лос-Анджелесе, такие, как Дек, но вот с противоположным полом — напряженка. Если уж говорить начистоту, то за последние три года мне не встретилось ни одной достойной кандидатуры. Большинство мужчин в душе глубоко уверены, что в любой момент могут что-то сделать, что-то изменить в себе, чтобы найти ту единственную, которая останется с ними на всю жизнь. Более того, найти сколько угодно таких единственных и непременно с бисексуальными подружками. А я, путешествуя, искал только одну. Только для себя. Наверное, я был уверен, что во время очередной поездки в один прекрасный день в каком-нибудь неизвестном городе где-нибудь у черта на куличках я поверну за угол и встречу ту, которая всю свою жизнь искала меня. Моя версия того пути, что должен начинаться где-то за углом. А еще я подозревал, что такую женщину встречал, и путь давно пройден.

Поэтому я продолжал заниматься отрывками из жизни других, надеясь, что время от времени будут попадаться интересные эпизоды. Иногда я кое-чем успокаивался, но только для того, чтобы заглушить у себя в голове гул чужих неприятностей. Я уже хорошо знал, что значит ощущать себя кем-то другим, и мне совсем расхотелось иметь при себе оружие. Иногда у меня случались головные боли, да такие, что укладывали в постель на несколько дней.

Однако в общем и целом жизнь была не так уж плоха, а когда мне становилось грустно, я просто смотрел, как деньги текут на счета.

Еще три дня назад все было прекрасно.

* * *

Мне бы сразу догадаться. Незапертая дверь говорила сама за себя, а я лучше, чем кто бы то ни было, знал, что происходит у нее в голове. Но не было причин ожидать, что она совершит какую-нибудь глупость, более того, были причины полагать, что все не так плохо.

Минут через десять я встал и подошел к двери в ванную. Женщины могут проводить там целую вечность, но такое редко случается в три часа ночи. Обычно они поступают подобным образом в тот момент, когда нужно спешить. Я мог и подождать, потому что знаю, насколько важно ощущать себя чистым, но сейчас времени не было. Копы на углу давно убрались, и следовало быстро двигать отсюда. Кое с кем встретиться и подготовиться. С головой у меня пока все в порядке, но это не значит, что так будет всегда.

А потом я понял, чего не хватает. Приложив ухо к двери, внимательно прислушался. Ни напевания, ни даже негромкого шума воды, которой лениво касается рука. Я подергал за

ручку. Дверь была заперта.

Тогда я выбил ее.

Лора Рейнольдс лежала в ванне с остывающей водой. В трусиках и лифчике. Остальная одежда аккуратно сложена на сиденье унитаза. Черты симпатичного остренького личика расслаблены, спокойны. Плитка на полу забрызгана кровью, вода в ванне — красная. Губы посинели, кожа мертвенно бледна.

Не раздумывая, я начал действовать.

Выдернув затычку, я схватил с вешалки пару полотенец. Правая рука болталась под водой. Я вытащил ее и увидел, что порез не так глубок, как мне показалось, и она не повредила основные сухожилия. Крепко замотал руку полотенцем и свесил с внешней стороны ванны, а потом занялся ее левой.

Здесь порез оказался гораздо глубже — наверное, его она нанесла первым.

Хотя все могло быть и наоборот: слабый разрез — первый, а когда увидела, как перед ней открывается длинный тоннель, то решила пробежать по нему как можно быстрее. Кровь еще текла из руки и, обернув кисть полотенцем, я понял, что его будет недостаточно. Алкоголь и горячая вода разжижили кровь, она лилась и лилась. На крючке с внутренней стороны двери висел махровый халат — я вытащил пояс и воспользовался им как жгутом. В этот момент она впервые за все время пошевелилась, одно веко дрогнуло, как помятое крыло бабочки.

Опершись одной ногой о борт, я попытался вытащить ее из воды. Это оказалось не так просто — хотя она была очень худой, — так что я чуть не упал лицом в воду. Мне с трудом удалось прислонить ее к задней стене и удерживать в таком положении, пока я не набросил халат. Затем я попытался просунуть руки в рукава, но это оказалось очень сложно из-за намотанных полотенец. В конце концов я просто перекинул ее через плечо и вынес в комнату.

Когда клал на кровать, она негромко застонала, но не пошевелилась. Я открыл чемодан, схватил какую-то одежду и распахнул по карманам своего пальто. Потом я опять перекинул женщину через плечо и вышел в коридор. Быстро взглянув в оба конца, понял, что тот пуст, и это было хорошо, потому что дела и так шли не лучшим образом. Мне даже не пришло в голову, что надо захватить сумочку — понял это только тогда, когда двери лифта закрылись за нами, и подумал, что ей придется обойтись без нее.

На полпути к входной двери я услышал, как у меня за спиной кто-то вскрикнул. Неловко повернувшись — полуголых и находящихся в бессознательном состоянии людей довольно сложно носить, — я увидел того самого работника, который смотрел на меня, широко открыв рот. Его рука уже тянулась к телефону.

— Это у нас с ней шутка такая, — сказал я.

— Простите? — переспросил он, переведя взгляд на пропитавшиеся кровью полотенца.

— Она очень крепко спит. Иногда я прихожу и увожу ее в какое-нибудь удивительное местечко, и когда она просыпается, ей долго приходится соображать, где она находится.

— Сэр, я вам не верю.

— А вот так? — спросил я, доставая пистолет и направляя его прямо ему в лоб.

— Очень смешно, — сказал он, и его рука, опустив трубку, отодвинулась от телефона.

— Тогда посмейся еще немного, — предложил я ему. — Или мне придется вернуться и объяснить тебе все еще раз.

Я завернул за угол, туда, где была припаркована моя машина, и уложил Лору Рейнольдс

на заднее сиденье. Потом сел за руль и поехал, понимая, что если в ближайшее время не доберусь до врача, то моя жизнь окрасится в совсем уж черный цвет.

Поворачивая на бульвар Санта-Моника, я чуть было не угробил нас обоих — мне пришлось резко повернуть, чтобы не врезаться в небольшую группу холодильников, которые переходили улицу. Дело в том, что у меня правило никогда не сталкиваться с холодильным оборудованием. Холодильники бывают очень тяжелыми.

* * *

Когда мы легли на курс, я набрал номер Дека. Ему понадобилось несколько минут, чтобы понять, чего я от него хочу, но в конце концов он согласился помочь. Потом я переключил телефон на Сеть и еще раз попытался соединиться с Квотом. Телефон звонил без остановки. Я нахмурился, разъединился и набрал еще раз. Понятно, что уже поздно, но Квот вполне мог не спать в это время, а если он не спал, то обязательно сидел в Сети. И все-таки не отвечал.

Я оставил сообщение, чтобы он перезвонил мне домой, и сосредоточился на дороге. Мы как раз пересекали Уилшир, чтобы въехать в Беверли-Хиллз. Должен сказать, что я не любитель проводить время за рулем. И никогда им не был. Я понимаю, что в глазах многих настоящих американцев это делает меня человеком второго сорта, да и бог с ними. Многие люди до сих пор жалуются, что их дети все свое время проводят за стрелялками, а я считаю, что это единственное, что может подготовить их к реальной жизни. Она ведь тоже состоит из длинных отрезков, которые ты проходишь вроде бы спокойно — хотя и здесь в тебя вполне может выстрелить какой-нибудь безумец, — перемежающихся участками ада, где тебя хотят убить все и каждый. Эти участки называются городами, и их лучше обходить стороной, если там не живешь. Я вполне могу выстоять в драке где-нибудь в баре, но пересечь окружную дорогу в час пик — на хрен. Я или вызову такси, или пойду пешком. Повернув на Вестерн, я остановился, чтобы осмотреть Лору Рейнольдс. Она все еще дышала, хотя еле заметно. Кровь вокруг пореза на правой руке уже подсыхала, а вот левая выглядела ужасно. Я ослабил жгут и вновь затянул его, перед тем как отправиться дальше. Я искренне надеялся, что Дек сможет разыскать Вудли, иначе всем нам будет плохо. Единственной альтернативой было отвезти ее в больницу, но в этом случае я быстро ее потеряю — она уже показала всю серьезность своих намерений свалить от меня любым способом.

Свернув с Лос-Фелис, я с удовольствием увидел, что очередь на въезд в Гриффит была не очень длинной. В район можно попасть только через один из двадцати въездов, и иногда очереди не на шутку могут вывести из себя. Когда мы подъезжали к воротам, я увидел группу вооруженных охранников, которые внимательно смотрели на мою машину, и мне было приятно увидеть, что даже в столь позднее время они работали, чтобы обеспечить безопасность жителей.

В 2007 году кто-то решил, что потенциал Гриффит-парка не используется на все сто процентов. Им показалось, что вся эта концепция «парка» сильно отдает XX веком. Конечно, здорово иметь громадную открытую территорию с двумя полноразмерными полями для гольфа и площадкой, где могут маршировать бойскауты, но ведь землю можно использовать и по-другому. Например, для проживания. Лучшие районы Лос-Анджелеса к тому времени были перенаселены, а ведь людям надо где-то жить, особенно после того, как исследование

тектонических плит показало, что при следующем землетрясении Брентвуд окажется где-то в районе Бельгии. Конечно, пришлось выдержать яростную битву с местными фанатичными защитниками истории и с бедняками, которые хотели, чтобы место для барбекю было рядом с домом, но у этих ребят наличествовала серьезная проблема — у них не было денег. А у девелоперских компаний они были. Поэтому-то девелоперы и одержали верх. Между воюющими сторонами было достигнуто соглашение.

Выделили территорию, ограниченную федеральными трассами Вентура и Голден-Стейт на севере и востоке и Лос-Фелис на юге. Землю обнесли стеной высотой в сто ярдов, и когда она замкнулась со стороны парка Маунт-Синай на западе, огороженный участок превратился в абсолютно обособленную территорию. С внешней стороны стена была покрыта светодиодами высокого разрешения, и вся поверхность соединена с главным компьютером. Внутри небольшие участки земли, такие как голливудская гора и клочки старых нетронутых лесов, оставили в неприкосновенности. Даже девелоперы понимали, что надпись «HOLLYWOOD» на холме сакральна. И эти участки вместе с изображениями территории, какой она была до начала строительства, проецировались на внешнюю сторону стены, что создавало иллюзию аутентичного вида. С любого места в Лос-Анджелесе была видна надпись, холмы и парк на северо-востоке. Если только не подойти и не упереться носом в стену (чтобы этого не делали, существовала охрана), иллюзия была полной. Все выглядело так, как будто ничего не изменилось.

Внутри то же, но наоборот. Здесь на стену проецируются виды Бербанка, Глендейла и Голливуда в реальном времени. В Лос-Анджелесе появился большой новый район, пейзаж совсем не изменился, а тоннели, ведущие на территорию района, превращают его в общественный парк. Защитникам окружающей среды все это не очень понравилось, но они нищии как церковные крысы и их даже не приглашали на публичные обсуждения.

Подъезжая к воротам — дыре размером десять на шесть футов^[25] в идеальной в остальном панораме, — я нажал на сенсор на панели приборов. Мое имя, геном и кредитный рейтинг были мгновенно переданы на матрицу автомобиля, чтобы их могли считать сканеры компьютера, расположенного на входе. Матрица имела тройную степень защиты, включая правительственный протокол стандарта для кодирования данных, поэтому на взлом понадобилось бы минут двадцать. Я не верю, что у всех людей, которые разъезжают по нашей территории, достаточно денег, чтобы проживать здесь. Особенно это касается тех, кто шатается в моем квартале.

Данные совпали, и мне позволили проехать за барьер. Въездные ворота закрылись за мной, и я оказался в тоннеле под стеной. Машина слегка урчала, пока конвейерная лента несла ее к внутренним воротам. Наконец ворота распахнулись, и я опять очутился на поверхности.

Я подключился к локальной навигационной сети и велел доставить меня домой как можно быстрее.

Изнутри Гриффит выглядит так, будто его проектировал человек, закинувшийся кислотой в Диснейленде. На склонах виднеются участки с виллами разной этажности, которые здорово смотрятся и здорово стоят. Остальные же дома располагаются удивительно однообразно. Улицы через равные интервалы прерываются открытыми пространствами, застроенными разного рода магазинами, поэтому от «Старбакс» до «Бордерс» или «Бэйби Гэп» не больше пяти минут езды. В основном публика стекается сюда. Многие места превратились в пешеходные зоны, а фасад каждого заведения просто вопит о его

специализации. Рестораны имеют форму подаваемой там еды, а магазины — форму товаров: обувные выглядят как обувь, видеомгазины имеют тонкую прямоугольную форму, а «Гренки Херби», где Херби продает не менее двух сотен вкусов маленьких поджаренных кусков хлеба, выглядят как гренки невероятных размеров. Не надо уметь читать, чтобы понять, где что продается: идеальный ландшафт для поствербального общества^[26]. По территории проходит новейшее метро, украшенное дизайнерскими граффити, в центре размещается группа больших гостиниц, а в каньонах располагаются специализированные магазинчики. В Гриффите нет ничего старше 10 лет. Даже смог здесь искусственный, с гарантией отсутствия вредных примесей.

Дурное, выпендренное и бессмысленное место. Мой дом.

Когда машина повернула к нужному зданию, я взял управление на себя. Смелею, когда вижу парковку. Раньше «Фолкленд» был одним из самых роскошных отелей в округе, но кто-то решил, что отель двумястами ярдами ниже по дороге будет еще круче. И здание опустело практически за сутки — некоторые постояльцы даже сами тащили свой багаж. Через неделю оказалось, что «Фолкленд» полностью заброшен. К тому моменту, когда я задумался о постоянном месте, где бы можно было преклонить голову, зданию навесили ярлык «своеобразного» и превратили в комплекс апартаментов. Специальная команда декораторов придала внутренностям здания запущенный вид. Они прекрасно справились, но если потереть влажным пальцем стены в квартирах, можно увидеть, что жир и копоть на них — имитация, как закадровый смех, только в жилищном бизнесе.

Я попросил одного из служителей припарковать машину и, как всегда, мысленно с ней попрощался. Сейчас я могу, если захочу, позволить себе сжимающийся автомобиль, но не очень им доверяю. Слишком много историй о людях, которые клали их в карман перед посещением ресторана, и машина начинала вдруг расти прямо во время ланча. А ведь мало кому захочется, уписывая спагетти, обнаружить двухтонную тачку на коленях.

Лора Рейнольдс не пришла в сознание, но была жива, поэтому я опять взвалил ее на плечо и заторопился домой. Весь первый этаж напоминал цирк уродцев, куда пришли искатели острых ощущений и путаны, — он был постоянно наполнен шумом, исходившим из сотен небольших киосков и павильонов. На первый взгляд это выглядит неплохо, как худший кошмар стареющих пердунов, но поделюсь секретом: наркотики здесь, как правило, паленые, а с девочками лучше не связываться. Почти все они специалистки по ролевым играм: медсестры с катетерами, парковщицы с квитанциями и толпы школьниц, поклоняющихся отвратительным поп-группам и находящихся в перманентных ссорах с матерями. Единственное светлое пятно — гомеопатические бары, где можно упиться вусмерть с одного глотка пива: тут дежурят машины «Скорой помощи» с круглосуточно работающими двигателями.

Дек стоял у входа, и вид у него был очень напряженный. Антитабачные законы соблюдаются на территории Гриффита строже, чем в городе, и это выводит его из себя. Он стоял в гордом одиночестве.

— И где он, мать его? — спросил я, напрямик направляясь со своей ношей к лифтам в глубине холла.

— Уже едет. — Дек придержал двери, пока я входил в лифт. К счастью, к этому времени я уже вспомнил номер своей квартиры. — Он спал, когда я до него дозвонился.

Двое мужчин попытались войти в лифт вместе с нами, но Дек не пустил их. Он на два дюйма^[27] ниже меня и довольно худощав, но это не должно никого вводить в заблуждение.

Выглядит он уж слишком самоуверенно, однако естественность, с какой он носит шрамы, сразу же показывает, что он вполне может постоять за себя. Он постоянно поддерживает форму, работая время от времени телохранителем у местных бизнесменов, а в свободное время — вполне законопослушный гражданин. В старые добрые времена у нас была договоренность — никогда не работать в паре, но я знаю, что если мне надо будет прикрыть спину, Дек прикроет.

Когда мы подошли к двери квартиры, он взял у меня Лору и держал ее до тех пор, пока я шарил по карманам в поисках ключей.

— Надеюсь, когда-нибудь ты мне все объяснишь, — мягко произнес он.

— Когда-нибудь, угу. — Я распахнул дверь, прислушался, а потом помог Деку внести Лору.

Мы уложили ее на софу, я занялся приготовлением кофе, и тут в дверь позвонили. Оружие оказалось у меня в руках прежде, чем я это осознал. Дек поднял руки.

— Спокойнее, — сказал он, наклоняясь к глазку и ногой отодвигая стопку газет, которые принесли, пока меня не было. — Это старик.

— Надеюсь, вы понимаете, что оплата двойная, — сказал Вудли, входя в квартиру и ставя на пол два своих мешка. — Сейчас четыре часа утра.

— Заткнись и принимайся за работу, — распорядился я. — Я заплачу тебе в четыре раза больше, если ты смиришься с тем, что упоминание об этом за пределами будет стоить жизни. Тебе, не ей.

Вудли закашлялся, пытаясь скрыть хитрую гримасу. Не могу представить себе, что этот старый греховодник любит больше денег. Он посмотрел на Лору, заметил пропитанные кровью полотенца, побелел и слабо махнул Деку рукой.

— Прошу вас, молодой человек, выпустите.

По пути домой я умудрялся сохранять присутствие духа, но реакция Вудли, когда он увидел Лору, показала, насколько у нее все плохо. Я схватил один из его мешков и стал подталкивать старика в сторону спальни. В это же время Дек открыл второй мешок и выпустил дистанционников. Они походили на крабов, а размером были не больше тарантулов. Привлеченные запахом крови, машинки забрались на софу и стали тыкаться по углам.

В течение последних пяти лет мы с Деком время от времени прибегали к помощи Вудли. Он утверждает, что когда-то работал на секретные армейские подразделения в качестве дистанционного хирурга — проводил операции через спутник. У меня нет возможности подтвердить или опровергнуть это, но одно я знаю точно — Вудли не переносит вида крови. Однажды мы устроили ему проверку. Он ничего не имел против того, чтобы смотреть на кровь через объектив камеры, но не переносил ее в натуральном виде. Когда трибунал убрал его из армии (он утверждает, что несправедливо, хотя никогда не говорит, в чем его обвинили), Вудли так и не смог получить лицензию, поэтому вынужден был обслуживать людей вроде меня. Людей, у которых иногда возникали проблемы биологического свойства и которые не могли обратиться в больницу. Он мог быть старым идиотом — я, например, подозревал, что свои нитки он где-то подбирает с земли и ночует на берегу, — но, черт побери, шить он умел. Отлично зажившие шрамы у меня на плече, груди и правой ноге, бывшие до этого пулевыми ранениями, лучшее тому доказательство.

Я стоял в том месте, где мог видеть одновременно и Вудли и Лору, и наблюдал за тем, как хирург принимается за работу. Руки у него сильно дрожали, но беспокоиться не стоило — все приборы были оснащены защитой от вибрации. Он надел очки и перчатки и меньше чем через минуту дистанционники уже бегали вверх и вниз по рукам женщины. Через какое-то время один из них спрыгнул с софы, нырнул в мешок и появился с упаковкой плазмы в низкотемпературной оболочке. Вудли крикнул и нахмурился от напряжения.

Дек подошел ко мне и протянул сигарету. Я вставил ее в фильтр-призму и с благодарностью прикурил. Фильтры дико раздражают — крадут не меньше половины вкуса, — но без них в помещении курить нельзя: датчики в стенах мгновенно набросятся. После использования фильтры растворяются, что очень удобно, потому что сам факт их

наличия считается нарушением закона. Сейчас курение в Лос-Анджелесе надо планировать не хуже военной кампании.

— Итак? — произнес Дек.

— Позже, — ответил я.

Дек улыбнулся и стал наблюдать за работой дистанционников. Он человек терпеливый, гораздо терпеливее меня. Его можно выбросить посреди пустыни Гоби, а он оглянется вокруг и спросит:

— Пива здесь нет?

— Нет, — дадите вы очевидный ответ.

— А воды?

Вы отрицательно покачаете головой, он задумается на минуту.

— А где можно присесть? — После этого он подойдет к ближайшему более-менее удобному камню и будет сидеть до тех пор, пока перед ним не появится пиво, или вода, или не откроется тоннель в параллельную вселенную.

Через какое-то время я стал дергаться и решил проверить автоответчик. Справлялся он неплохо, сообщения типа «67°о*3~ звонил по поводу, t [{+@3» были редкостью в его рапортах, поэтому я был удивлен, что никаких сообщений нет. Ведь меня не было два дня. Я не так уж популярен, но люди звонят мне достаточно регулярно, чтобы втянуть в какую-нибудь рутину. Так что на всякий случай я двинул машину по боку.

— Отвали, — раздался ответ. Автоответчик злился на меня с тех пор, как я вышвырнул кофеварку. Похоже, что между ними что-то было.

— Мне никто не звонил?

— Начиная с полуночи — нет. Обычно в это время все спят.

— Ты это на что намекаешь? — уставился я на него.

— Что именно из сказанного ты не понял?

— Когда было последнее сообщение?

— Вчера, в 11.58 вечера.

— Ага.

— Я хорошо помню. Ты еще нажал кнопку один раз.

— Проблемы? — поинтересовался Дек.

Я не стал спрашивать автоответчик, не ошибается ли он насчет времени. Если в моей квартире и могло произойти полезное скрещивание видов, то это, несомненно, должно было быть слияние автоответчика с будильником.

— Здесь кто-то был сегодня ночью, — сказал я Деку.

— Был?

Квартира не так уж велика, поэтому мы быстро проверили все места, где можно спрятаться. Дек осторожно заглянул в свободную спальню, проверил шкафы, заглянул под кровать и вышел, недоуменно пожимая плечами. Я же осмотрел спальню.

— Почти закончил, — сказал Вудли, когда я проходил мимо. Он, видимо, решил, что я пришел его подгонять. — Для информации — девочка изредка потребляет. Герыч — но довольно давно — и чуток новяка.

Это меня совсем не удивило.

— Что надо сделать для ее выздоровления? — Кажется, ничего не украли. Чтобы решиться на кражу у меня в спальне, у человека должны быть очень специфические вкусы. Мнемоприемник находился в шкафу, это главное.

Старик пожал плечами:

— Вопрос не ко мне. Я такими делами не занимаюсь. Тем ребятам, которых я оперировал, после операции вручали оружие и отправляли обратно на фронт.

— Но ты же врач, Вудли. У тебя должны быть какие-то предположения.

— Куриный супчик. — Он пожал плечами еще раз. — Пусть несколько дней воздержится от возлияний. Или, наоборот, налить ей виски. Смотри что сработает. Пусть пока не прыгает с тарзанки.

— Вудли... — я неожиданно замолчал, уставившись на изголовье кровати. Одеяло и простыни заправлены очень аккуратно, как будто это делала горничная. Настолько странно и неожиданно, что я сначала не обратил на это внимания. — Это ты сделал?

— Я, конечно, обеспечиваю всестороннюю поддержку своим клиентам, но на приведение постели в порядок это не распространяется.

Я отпустил его и с нетерпением наблюдал, как он собирает свои причиндалы. Осмотрел гостиную, но ничего не заметил. Все на месте — поверьте, декор в гостиной настолько спартанский, что любая пропажа будет сразу же заметна.

Когда Вудли ушел, я схватил Дека за руку и потащил его в спальню.

— Кровать, — только и сказал я.

— Мы с тобой давно дружим, — мягко сказал он, — но в сексуальном плане ты меня не привлекаешь.

— Кто-то перестелил простыни.

— Ты уверен? — Дек приподнял бровь.

— Конечно, уверен. Разве я похож на человека, который будет этим заниматься?

— Нет, если только под ними не спрятаны деньги.

— Вот именно.

— Значит, кто-то прослушал твои сообщения и перестелил кровать. У тебя нет случайно виртуальной подружки?

— У меня и реальной-то нет.

— А у кого еще есть ключ? Управляющий, например?

— Он уже сидит, как раз за незаконное проникновение и кражу.

— Значит, не он. А что пропало?

— По-моему — ничего.

— О'кей, давай подведем итоги: кто-то проник в твою квартиру и слегка прибрался в ней. У тебя как будто шило в заднице, ты размахиваешь оружием направо и налево. На софе в гостиной лежит женщина с запястьями, напоминающими страницы автомобильного атласа, и ты только что заплатил Вудли по максимуму, только чтобы он держал язык за зубами. Может быть, пришла пора рассказать мне, что все-таки происходит?

Я взял купальный халат и прикрыл Лору. Тот, который пропитался кровью, выбросил в мусорный контейнер, где он — уж я-то знаю местный сервис — пролежит года два. Лора пока не пришла в себя, но она, скорее всего, отключилась уже от препаратов, которые ей дал Вудли; ее щеки порозовели, а руки, тщательно зашитые и заклеенные пластырем, выглядели лучше. Теперь, когда кровь убрали, было видно, что порезы не такие уж страшные и далеко не первые. Старые белые полосы почти в тех же местах говорили о том, что ее сегодняшняя попытка нырнуть в тоннель ранее повторялась неоднократно. Что не сделало ее ни умнее, ни осторожнее.

Со всей бережностью, на которую был способен, я перенес ее в свободную спальню и

уложил на кровать. Прикрыл старыми пальто и немного усилил обогрев.

После этого я вернулся в гостиную и заставил автоответчик повторить сообщения, которые кто-то уже успел прослушать. Три, все от Страттена. Первое вежливое, второе деловое, а третье: «Свяжись с офисом. Немедленно».

Время стремительно истекало. Я налил кофе и рассказал Деку всю историю.

* * *

За те пять месяцев, что я занимался хранением воспоминаний, мисс Рейнольдс успела стать одним из моих регулярных клиентов. Я еще не знал ее имени, но она шесть раз сбрасывала одно и то же воспоминание.

Она на берегу лесного ручья за своим домом. Не знаю, сколько ей лет, но, скорее всего, тринадцать-пятнадцать. Вторая половина дня, жарко, и она пошла в лес, где ее ждет нечто очень важное. Она полна нетерпеливого ожидания, я чувствую ее незащищенность и сам ощущаю себя очень юным.

Она стоит и ждет. Неожиданно на нее падает тень. Она оборачивается и видит мать. Мать очень высокая и довольно худая, с копной рыжевато-каштановых волос. Лора медленно поднимает глаза, пока не упирается взглядом в лицо матери. Она все отдала бы, лишь бы не видеть его выражения. Ярости с толикой ликования.

Воспоминание всегда неожиданно обрывается именно на этом месте. Я не знаю ни что означает выражение на лице матери, ни что произошло потом. Это меня всегда как-то радовало. Я прекрасно понимаю, почему у человека может возникнуть желание избавиться от подобных воспоминаний.

На прошлой неделе я поднялся к себе в номер, после того как полдня провалился на солнце в одном из отелей Санта-Барбары, и обнаружил письмо, пришедшее с незнакомого адреса. Прежде чем прочитать, я проверил источник — некоторые устанавливают опцию автоматического подтверждения получения письма, когда то открыто адресатом. Код домена не вызвал никаких подозрений, но все равно я велел консоли напечатать сообщение, не заходя в тело письма.

Письмо было от той самой женщины, которая хотела забыть момент у ручья. Раньше мы никогда не контактировали с ней напрямую — все осуществлялось через снокран двойным слепым методом^[28] для сохранения конфиденциальности, но в письме упоминалась часть воспоминания, и я догадался, кто автор. В послании говорилось, что у нее есть для меня задание, за которое она готова хорошо заплатить.

Несколько мгновений я смотрел на листок бумаги, затем сжег его в раковине. Оставшееся время я провел, нежась на солнце, а к вечеру перебрался в пляжный бар в самом конце Стэйт-стрит, где играл в пул и дурачился с завсегдатаями.

Когда вернулся, меня ждало еще одно послание с того же адреса. В нем был телефонный номер и цифра в 20000 долларов.

Какое-то время я смотрел кино по кабельному гостиницы, но вы ведь знаете, как это бывает. Подкорка мгновенно принимает решение, и независимо от того, насколько оно откладывается сознанием, вы уже знаете, что будете делать.

Где-то в полночь я вышел из гостиницы и вернулся в бар. Позади него был платный телефон, и я набрал номер, указанный в письме.

На звонок ответила женщина с очень нервным голосом. Она заставила меня подробно описать ее воспоминание. А потом рассказала, чего она от меня хочет. У нее есть еще одно воспоминание, которое обычно не доставляло больших проблем. Десять лет назад она ездила с мужчиной в одно местечко в Бахе, которое знала уже много лет. В Энсенаду. Они провели там несколько дней, поглощая морепродукты, развлекаясь и наслаждаясь жизнью. Потом она вернулась.

— И это все? — спросил я.

Не так давно она познакомилась с другим мужчиной, который ей очень понравился. Она даже подумывает выйти за него замуж. Но сначала они решили куда-нибудь съездить вдвоем. Просто чтобы убедиться в своих чувствах. И жених захотел поехать в тот же город, в котором она была с другим мужчиной много лет назад. Она предлагала иные варианты, но так вышло, что Энсенада стала чем-то вроде шутки влюбленных, понятной только им двоим, а потому — знаковым местом, и было бы странно, если бы она отказалась туда ехать.

Я все еще ничего не понимал, в чем и признался. Если держаться подальше от некоторых палаток, где торгуют тако, Энсенада — классный город.

Женщина объяснила, что не хочет возвращаться туда с воспоминаниями о своем предыдущем визите. Она боялась, что из-за этих воспоминаний все будет казаться ей другим. Она действительно любит нового ухажера и не хочет, чтобы поездка оказалась испорченной.

Понимаю, выглядит глупо, но, поверьте мне на слово, именно от таких мелочей и зависят жизнь и счастье большинства людей. Люди одновременно и необычнее, и банальнее, чем можно представить. У многих моих клиентов были гораздо более серьезные причины что-то выбросить из головы. И я проникся к ней большим уважением и подумал, что хорошо бы и мне найти женщину, которая будет относиться ко мне столь же серьезно.

Но ведь все, что ей надо было сделать, это назвать мое имя при заказе снохрана. Я так и не мог понять, для чего нужна вся эта таинственность.

И она все объяснила. Поездка займет десять дней.

Страттен никогда не согласится на срок больше недели, это я хорошо знал. Он, по всей видимости, контролировал рынок воспоминаний, и я подозревал, что за это ему приходилось платить парочке высокопоставленных копов. И если бы они узнали, что он увеличивает разрешенную продолжительность хранения, то вся его система сразу развалилась бы. Кроме того, воспоминание женщины не было каким-то фрагментом — это был кусок реальной жизни, три дня целиком.

Раньше никто не пробовал сбрасывать и хранить такие объемы.

Я уже решил отказать ей, но вместо этого услышал, как говорю, что предложенных денег недостаточно. Мне ведь придется взять отпуск в «Снохране» не менее чем на полторы недели. А за это время я легко могу заработать штук двадцать, не рискуя разозлить Страттена.

— Пятьдесят, — немедленно предложила она.

У меня свой способ бороться с искушениями. Я просто перестаю им сопротивляться, и дело с концом.

На следующий день я сидел у себя в номере и ждал сброса. Треть денег за работу была уже у меня и разошлась по трем разным счетам. Остальное поступит чуть позже. Женщина нашла хакера с левым передатчиком, и этому умнику удалось заполучить код моего приемника. Это меня слегка насторожило. Я мысленно сделал зарубку намекнуть Страттену после того, как дело будет сделано, что наша система не так уж непроницаема, как он

думает. Если он не поостережется, очень скорочерный рынок начнет отгрызать его долю. А хуже всего то, что снохраны рискуют получить с воспоминаниями бог знает какое и к тому же неоплаченное дерьмо.

По телефону же я договорился с женщиной о времени, когда она заберет свое воспоминание. Мы разговаривали уже по другому номеру — скорее всего, домашнему хакера. Я закрыл глаза и приготовился к приему.

Через несколько мгновений все произошло. Мой мозг заполнили шум и запах, как при самой жуткой мигрени, но усиленные в сотни раз. Я застонал, не в силах даже кричать, и вывалился из кресла на пол. Руки и ноги спазматически дергались. На какое-то время я полностью потерял слух и почти ослеп, но это было еще не самое худшее. Я вдруг понял, что сейчас умру.

Однако через несколько минут дрожь унялась настолько, что я смог поползти до прикроватного столика и достать сигарету. Потом я забрался на кровать и какое-то время лежал на ней лицом вниз, ожидая, когда уйдет боль. И та стала постепенно отступать.

Еще через полчаса я уже сидел и пил спиртное, что здорово помогло мне в тот момент. Зрение прояснилось, и я опять слышал голоса людей, лежавших возле бассейна у меня под окном. Чувствовал себя ужасно дерьмово, но мысли о смерти пропали.

Наш мозг не создан для того, чтобы одномоментно получать информацию о жизни в виде образов, звуков, запахов и тактильных ощущений, отлитых в цельную пулю воспоминания. Сознание структурировано во времени и поэтому предпочитает получать информацию постепенно. Мне просто не пришло в голову, какой может быть разница между получением коротенького воспоминания и мгновенным сбросом громадного массива информации, охватывающего целых три дня. Ощущение было такое, как будто время и пространство не имеют никакого значения, и все концентрируется в одной точке здесь и сейчас. Если бы у меня за плечами не было опыта работы с воспоминаниями, я бы, наверное, так и остался сидеть в углу квартиры, пуская изо рта слюни и таращась в никуда.

А сейчас мой мозг трещал и стонал, стараясь понять, что же он получил, и установить хронологию событий. Я чувствовал, как в голове шевелятся и переплетаются тысячи нитей, похожие на змей, стремясь расположиться в относительном порядке. Сгоревшая кожа на плечах, соль от «Маргариты» на губах, блик солнца на стекле авто. Сотни фраз звучали одновременно, при этом некоторые хотели покинуть мой мозг, а другие рвались в него. Мозг прогибался под их тяжестью и давал сбои, как сердце перед инфарктом.

Нетвердой рукой я дотянулся до телефонной трубки. Больше всего я хотел призвать обслуживание в номерах, но сначала мне надо было связаться с женщиной и сказать, что сброс состоялся. В этих вопросах я настоящий профессионал. Набрав номер, я лежал, прислушиваясь к долгим гудкам и приложив ко лбу стакан с ледяным джином.

Никто не отвечал. Я набрал еще раз. Подождал тридцатого гудка, прежде чем повесить трубку. Я знал, что в Энсенату она уедет только завтра, поэтому пока не стал волноваться. После сброса прошло только 45 минут. Может быть, она вышла по делам или отправилась домой.

Я медленно жевал бургер, который мне доставил самоуверенный мальчишка-посыльный очень вызывающего вида. При этом следил за тем, что происходит у меня в голове. Ее как будто оптимизировали подобно жесткому диску, на котором не осталось свободного места. Фрагменты увеселительной поездки постепенно вставали на места, но все остальное находилось в хаотическом и туманном состоянии.

Покончив с бургером, я опять набрал номер. Достаточно долго ждал и уже был готов повесить трубку, когда на звонок ответили.

— *Алло,* — произнес незнакомый мне голос. — *Кто это?* — На заднем плане слышались какие-то странные, похожие на эхо звуки.

— Хап Томпсон, — ответил я, слегка сбитый с толку. — Моя клиентка на месте?

— *Откуда, мать твою, я знаю, кретин?* — рявкнул голос, и линия разъединилась.

Я немедленно набрал еще раз. Трубку никто не снял. Позвонил телефонистке, и та сказала, что с линией все в порядке, но отказалась назвать мне адрес, по которому установлен телефон.

Я позвонил Квоту. Он сказал, что перезвонит. В течение десяти минут я метался по номеру, горстями пожирая аспирин.

Наконец перезвонил Квот. Телефон находился в зале ожидания первого класса в аэропорту О’Хара в Чикаго.

Тогда я позвонил по второму номеру женщины. Линия молчала. А я потерял сознание.

* * *

Когда пришел в себя, был здорово напуган. По двум причинам. Первая — я никогда не терял сознания после сброса, за исключением крохотных провалов сразу же по окончании передачи. Вторая — клиентка меня кинула.

Выписавшись из гостиницы, я помчался по калифорнийскому шоссе SR1 в Лос-Анджелес, где и заперся у себя в квартире. Я запаниковал, когда увидел письмо, подсунутое мне под дверь, но это оказалась записка от моих старых соседей Диккенсов. Приятная молодая пара с тремя детишками из Портленда. С год назад кому-то пришла в голову мысль продать всем образ небывалого развития нашей страны. Была придумана виртуальная семья: родители определенного возраста с такой-то и такой-то биографией, с настоящим и прошлыми местами работы, с детьми определенного пола, возраста, цвета глаз, чьи экзаменационные оценки точно известны. В общем, уникальное семейство. Вокруг нее выстроили целую компанию и, рискуя собственной репутацией, сообщали, насколько больше оно заработало на этой неделе по сравнению с прошлой. Расчет был на то, что никто не сможет ничего опровергнуть. Но вышла лажа. Оказалось, что такая семья действительно существует — Диккенсы. Какой-то чиновник в Статистическом бюро запаниковал и заказал их всех, и с тех пор они перешли на нелегальное положение. В письме Диккенсы написали, что заметили, как кто-то что-то вынюхивает, и решили свалить. Они оставили мне ключи и разрешили пить молоко из их холодильника.

Спрятав приемник в спальне, я провел остаток дня в ванне, где потихоньку набрался. Когда я из нее вылез, уже мог более-менее четко сложить два первых дня из переданного воспоминания. Женщина действительно была в Энсенаде, но одна, и в основном занималась тем, что поглощала «Маргариту» в баре «Хуссонз». Первая ночь прошла сравнительно спокойно, и к полуночи она вернулась туда, где остановилась, — в небольшой занюханный санаторий на берегу, который назывался «Вилла “Попугай”» и находился в полумиле вверх по побережью. Давным-давно я сам здесь останавливался, и уже тогда прошло лет тридцать с поры его расцвета. Напившись на следующую ночь, она чуть не уехала домой с американским моряком. В общем-то, я был рад, что она этого не сделала и вышвырнула его

на улицу. Она кричала ему вслед ругательства, пока он торопливо шел по улице, а потом вернулась в бар и пила там до самого закрытия. Никто не знал, как она добралась до номера — сама она этого не помнила. Не лучший отдых в жизни, хотя, должен признаться, у меня случались и похуже.

И не десять лет назад клиентка туда ездила. У нее был с собой органайзер, и она как ненормальная постоянно проверяла почту — даты писем говорили о том, что все это случилось за два дня до того, как она связалась со мной в первый раз. Наконец она получила письмо, которого ждала. Очень короткое. Только адрес. Она вышла из бара, села в машину и уже ранним вечером была в Лос-Анджелесе.

А вот вторая часть воспоминания, та, что касалась убийства на перекрестке, грузилась очень долго. Никогда раньше со мной ничего подобного не происходило. Хотя событие было совсем недавним, воспоминание о нем оказалось сильно искажено и скрыто во тьме. Было похоже, что процесс разрушения начался еще до того, как она решила избавиться от него с моей помощью. При этом я никак не мог понять, почему ей надо было избавиться от воспоминаний об Энсенаде. Когда получаешь чужие воспоминания, это не всегда полная картина того, о чем человек думал в то время. Похоже, за получение информации и ее обработку отвечают разные области мозга, при этом некоторым удастся научить часть своего сознания смотреть на происходящее как бы со стороны. Вот все, что я понял о времени, которое она провела в Бахе: там она испытывала иссушающее чувство отчаяния и желания напиться или умереть, смешанные с мрачным воодушевлением. Эмоции не из приятных, но у меня создалось впечатление, что для этой женщины такое было в порядке вещей. Поэтому если она забудет о парочке подобных дней, ничего не изменится. Может быть, эти два дня она готовила себя к тому, что произошло потом — снова и снова проживала какие-то моменты своей жизни и мысленно закаляла себя. Не знаю.

В конце концов я смог вывести приемлемую картину последней ночи, понять, что же там произошло, и узнать ее имя, когда убитый назвал его за мгновение до того, как она его убила. Я рассказал Деку все, что вспомнил, начиная с вида перекрестка и кончая подмигиванием Рэя и количеством выстрелов. Рассказал и об опустошении, с которым она смотрела на труп и перезаряжала пистолет, просто чтобы занять руки.

И о ступоре отчаяния, когда она, убегая, поняла, что ничего не изменилось.

* * *

Видимо, Лора Рейнольдс спала: дышала она легко. Пересказав ее воспоминание, я ощутил что-то новое, но не понимал, что именно. Может быть, вину. Я ведь открыл то, что было известно только нам двоим — ей и мне. Раньше я так никогда не поступал. Я всегда очень трепетно относился к конфиденциальности, важной части моей работы. Я всячески отгонял неопределенное чувство, пытаюсь от него освободиться. Ведь она тоже намеренно засунула мне в голову информацию, за которую я могу получить пожизненный срок.

Когда я вернулся в комнату, Дек стоял у окна и смотрел на улицу. Небо уже начало светлеть по краям, и машины по производству смога потихонечку разогревались. Нас, по-видимому, ждал жаркий день, если только небесные химики не решат, что сегодня больше подойдет пурга. Работа синоптика в Лос-Анджелесе давно перестала служить объектом насмешек.

Когда Дек заговорил, мне показалось, что он ведет беседу к чему-то конкретному, убирая с дороги ненужные подробности.

— Как ты думаешь, кем были эти парни в костюмах?

— Ни малейшего представления. Но уверен, что не копами.

— Почему?

— Не знаю. Что-то в них было такое. И кроме того, они показались знакомыми.

— Мне многие копы кажутся знакомыми.

— Да, но не так. Понимаешь, это было больше похоже на полузабытое воспоминание.

— Твое?

— По-моему, да.

— А не могли они потом прийти сюда?

— Они же меня не видели, не забыл? — покачал я головой. — Меня ведь там *на самом деле* не было. И я ничего не сделал. Я просто *ощущаю*, что сделал.

— А ты знаешь, что будет, когда тебя поймут с этой штукой в голове? — спросил Дек. Он постоянно предупреждал меня, прямо с того момента, как я занялся воспоминаниями.

— Обвинение в убийстве первой степени^[29]. Или в соучастии.

— Ничего-то ты не знаешь, — покачал головой Дек.

— О чем это ты?

Дек прошел через комнату и вытащил на свет божий пачку вчерашних газет. Мне бы надо давно отказаться от подписки — помог бы спасти парочку деревьев, — но чтение газет на экране совсем не то. Он нашел нужную и протянул мне.

Я бегло просмотрел первую страницу.

Ожидается землетрясение.

Застройщик Николас Шуман совершил феерическое самоубийство; причина — финансовые проблемы. Имя показалось мне знакомым — вполне возможно, что он был одним из девелоперов Гриффита. Должно быть, потребовалась феерическая глупость или феерическая алчность, чтобы потерять столько денег.

С погодой пока полная задница, и никто не знает, что с этим делать.

— И? — спросил я.

— На третьей странице, — ответил Дек.

Я открыл страницу и нашел статью об убийстве, которое произошло шесть дней назад. Говорилось о мертвом теле, обнаруженном на улице в Калвер-Сити со множественными пулевыми ранениями. Там же сообщалось, что у полиции несколько версий. В переводе на нормальный язык: есть у них только от мертвого осла уши, но они очень стараются. Здесь же приводились имя, возраст и профессия убитого.

Капитан Рэй Хаммонд, Управление полиции Лос-Анджелеса.

Я закрыл глаза.

— Она убила копа, — сказал Дек. — А теперь самый конец. Я бы не обратил на статью никакого внимания, если бы не это. Догадайся, кто отвечает за расследование.

Я прочел имя вслух. Словно на массивной двери один за другим лязгнули, закрываясь, несколько тяжелых замков.

Лейтенант Трэвис. Отдел по расследованию убийств. Управление полиции Лос-Анджелеса.

Я медленно перевел взгляд на Дека и испугался до чертиков. До этого момента ситуацию, в которой я оказался, можно было назвать катастрофической. Теперь же она

перешла в категорию, где прилагательные уже не играли никакой роли. Лучше всего подошла бы картинка, где куча дерьма перегораживает речку, такая картинка, чтоб было ясно: никогда больше речке не течь.

— Ты влип по полной, — сказал Дек, уставившись на меня.

В шесть я отключился. Только что сидел на софе и разговаривал с Деком, а уже в следующую секунду забылся глубоким сном. Не спал сорок восемь часов, и нагрузка на мозг во много раз превышала привычную. Я был слишком измучен, чтобы видеть сны, и когда проснулся после девяти, помнил только серебристую машину из самой концовки воспоминания Лоры. Сам я стоял на обочине дороги — не знаю, где именно, но местность казалась знакомой. По обеим сторонам простиралось лесистое болото, а дорога тянулась до горизонта, поблескивая в ярких лучах солнца. Что-то мчалось по направлению к тому месту, где я стоял, но двигалось настолько быстро, что в первый момент я не мог ничего разглядеть. Потом понял, что это машина. Она так бликовала на солнце, что казалась вращающейся подобно веретену. Приближаясь, она стала тормозить, и когда остановилась рядом со мной, я проснулся.

Я не знал, что это может значить, кроме того, что какая-то часть моего мозга пытается навести в голове порядок и занимается этим с самой Энсенады. Я мог только пожелать ей успехов. Никогда не отличался острым умом, даже когда еще не хранил в себе всякие никому не нужные воспоминания других людей, а сейчас у меня были гораздо более неотложные поводы для беспокойства.

— Она шевелится, — сказал Дек.

Я стоял в дверях и с нетерпением ждал, когда мисс Рейнольдс придет в себя. Это заняло немало времени. Теперь, когда я полностью проснулся, меня опять захлестнула паника, однако я не счел нужным подгонять ее и тому подобное. Глупо, но я все еще надеялся, что ситуацию можно решить полюбовно.

Наконец она открыла глаза. Они были красными и от шока и похмелья. Не двигаясь, она уставилась на меня.

— Где я? — проскрипела она наконец. В руке у меня был стакан с водой, но она пока не обратила на него внимания.

— В Гриффите, — ответил я.

— Как я сюда попала?

— Благодаря мне.

Она села и заморгала. Когда она посмотрела вниз и увидела свои забинтованные руки, губы ее сжались, а лицо обвисло, на нем появилось выражение горя и недовольства. Я так и не смог решить, из-за того, что она это сделала, или из-за того, что не довела до конца.

Я протянул ей воду, и она стала пить.

— Зачем вы это сделали? — спросила Лора, выпив воды.

— Иначе вы бы умерли. Кстати, вам запрещено прыгать с тарзанки. Это приказ доктора. Хотите куриного супа?

— Я вегетарианка, — ответила она, разглядывая меня.

— Отлично, стало быть, ваше тело — храм. Полный торговцев в виде водки и дури^[30].

— Послушайте, кто вы такой?

— Хап Томпсон, — ответил я.

Скорость, с которой она выпрыгнула из кровати, произвела на меня большое впечатление, хотя, оказавшись на ногах, она подозрительно качнулась.

— Входная дверь заперта, а окна не открываются, — добавил я. — Так что никуда вы не

денетесь.

— Правда? Тогда смотрите, — она оттолкнула меня в сторону и выскользнула в гостиную. Дек поднял голову, и она, побледнев, бросила на него полный ярости взгляд.

— А вы кто, черт возьми?

— Дек, — спокойно ответил он. — Друг Хапа.

— Очень мило. Где мои вещи?

Я взял с софы пальто и стал шарить по карманам. Два бюстгальтера, пара трусиков и платье из какого-то тонкого зеленого материала. Все это я протянул ей, но Лора посмотрела на меня так, как будто я предложил ей орех, только что расколотый задницей.

— И?

— Это все, что мне удалось унести, — пожал я плечами.

— А сумка?

— В номере гостиницы.

— Да что ж вы за чудовище? Похищаете женщину и не берете с собой ее сумку?

— А она очень доброжелательно настроена, правда? — ухмыльнулся Дек.

Лора повернулась к нему:

— Послушай, ты, чертов придурок — не против, если буду так тебя называть? — похищение людей — преступление по нашему законодательству. Вам, ребята, повезло, что я все еще не позвонила в полицию.

— Сброс воспоминаний — тоже, — заметил я. — Не говоря уже об убийстве. Мы с вами оба знаем, что в полицию вы позвоните в последнюю очередь.

Ее глаза стали абсолютно пустыми — она здорово симулировала полную потерю памяти.

— Какое убийство? — поинтересовалась она.

В какой-то момент мне стало трудно поверить, что именно эту женщину я вытащил из кровавой ванны сегодня рано утром. Она скорее была похожа на сотрудника банка, который может одним взглядом стереть вас в порошок. Или Вудли превзошел самого себя, или она сама по себе была та еще штучка.

— Хорошая попытка, — сказал я, не отводя от нее взгляда, — но со мной фокус не пройдет. Не забывайте, что это моя профессия. У вас сейчас нет самих воспоминаний, но вы хорошо помните, от чего вы избавились. И помните, как и для чего меня разыскивали.

— Вы взяли за эту работу и вам заплатили.

— Вы мне солгали. И получил я только треть.

— Я заплачу вам остальное.

— Сомневаюсь в наличии у вас таких денег и, кроме того, они мне не нужны. Не волнуйтесь... Я верну вам то, что вы заплатили. Судя по последней ночи, попытка избавиться от воспоминаний так и не сработала.

Лора посмотрела на меня и пошла к входной двери. Подергала за ручку. Дверь, как уже было сказано, оказалась заперта.

— Немедленно откройте, — приказала женщина.

— Кофе? — поинтересовался у меня Дек, стоя на кухне с чайником в руках.

Лора лягнула дверь и чуть не упала.

— *Немедленно откройте!*

— С удовольствием, — ответил я Деку. — Кажется, у меня где-то оставался ментоловый мокко.

Женщина бросилась ко мне. Я ожидал, что вот-вот получу по физиономии, но вместо этого она схватила свою одежду и метнулась в ванную, заперев дверь. Я понял, что «та еще штучка» — очень подходящая характеристика.

— С ней там ничего не случится? — поинтересовался Дек.

— Разве только откроет окно и спустится на веревке с десятого этажа.

— Нет, — терпеливо поправил он меня. — *С ней ничего не случится?*

Я понял, что он имеет в виду.

— Думаю, не случится, — мне пришло в голову, что попытка убить себя утром с хорошего бодуна да в присутствии двух раздражающих мужиков несколько отличается от самоубийства на восходе в полном одиночестве.

Дек разыскал кофе и засыпал его во френч-пресс^[31]. Раньше у меня, как и у всех нормальных людей, была кофеварка. Им надо только сказать, где лежат кофейные зерна и как пользоваться водопроводным краном — и наслаждайся кофе в любое время дня и ночи. Но по какому-то недосмотру дизайнера, отверстие, из которого льется готовый кофе, находится слишком близко к пятой точке биомашины, и наблюдая за ней, напрягшейся от усилий над пустой чашкой, как-то уже остываешь к мысли хлебнуть бодрящего напитка. Когда с ними что-то случается, а это в любом случае происходит, вкус кофе становился довольно странным. Моя машина заболела чем-то, что можно было считать пищевым отравлением, поэтому я просто не мог больше держать ее в доме. Поздно ночью оставил ее на темной аллее за зданием, а утром она уже исчезла. Может быть, отправилась в Мексику, чтобы присоединиться к братьям. Если так, то она примкнула не к той группе, которую я встретил по дороге в Энсенеду. Кофеварки славятся своей злопамятностью, поэтому легко могли столкнуть меня в пропасть, принимая во внимание их количество. А может, они просто не успели хорошенько рассмотреть мою физиономию.

— Она не заберет его добровольно, — произнес Дек, протягивая мне чашку.

— Да неужели? — теперь я уже жалел, что вел себя с Лорой Рейнольдс поджентльменски, а не разбудил ее без церемоний. Мне сложно было поверить в то, что когда-то я ожидал иного развития событий. — Тогда нам придется попрощаться с нашим любимым планом А и перейти к плану Б.

— И это?

— То же самое, что план А, только нам предстоит держать ее взаперти, пока я достану передатчик. Шум падающей воды и нетерпеливое топотание говорили, что Лора принимает душ. Я ждал, когда она выйдет из ванной и наедет на меня за то, что я забыл захватить ее шампунь и ватные шарики.

— Кстати, — заметил Дек, — звонил этот псих Квот.

А вот и мой следующий шаг — прямо на блюдечке.

— Черт — почему не сказал сразу?

— Не знал, что это так важно. — Дек пожал плечами. — Да и он отключился прежде, чем я снял трубку. Ты, по-видимому, оставил просьбу об ответном звонке, так что телефон просто сообщил, что хозяин дома и что ты можешь ему позвонить.

— Могу попросить тебя об услуге? — спросил я, поднимаясь.

— Ни за что. Даже не думай. — Я ждал, и Дек наконец расплылся в улыбке. — Хочешь сделать из меня сиделку?

— Мне надо с ним увидеться.

— А просто позвонить нельзя?

— Он так дела не делает.

— И когда ты вернешься?

— Очень быстро.

Дек устроился на софе и направил на меня палец.

— Да уж, лучше тебе поторопиться. Подозреваю, Лору Рейнольдс надо уметь сдерживать, когда она разойдется. А на это способен только ты с твоим вечным обаянием и всякими подходцами.

— Не больше получаса, — пообещал я.

* * *

В холле на первом этаже было тихо, лишь несколько человек открывали свои киоски. Днем большинство из них продают предметы искусства и продукты ремесел — непонятные поделки из древесины, предназначенной для других целей, которые покупаешь, привозишь домой, а потом долго переставляешь из комнаты в комнату, в итоге приходя к выводу, что им самое место в чулане, и желательно не в твоём. Я твердо верю, что когда наша цивилизация исчезнет, когда мы перестанем существовать, а планета снова провалится в глубокий сон и будет населена только какими-нибудь жучками, коим хватило мужества выдержать те испытания, что мы уготовали матушке-природе, на Землю прилетят инопланетяне и займутся археологией. И все, что они найдут, особенно в прибрежных районах, будут залежи сделанных из половиц рам для зеркал с выжженными на них доморощенными афоризмами и флотилии болтающихся на пружинах сувенирных рыбачьих лодок из выловленных в воде деревяшек. Инопланетяне печально кивнут, признавая, что такая цивилизация была обречена.

Я быстро разыскал Тида, того парня, который вчера припарковал мою машину, и дал ему всегдашнюю десятку. Мне хотелось бы верить, что мою машину он паркует добровольно и с удовольствием, но есть сильное подозрение, что без десятки я бы никогда не смог ее отыскать на парковке. Тид — маленький, подозрительно выглядящий человечек, который питается, кажется, одними «Эм-энд-эмс», но у меня с ним никогда не было никаких проблем. С деньгами всегда так — они помогают установить прямые и ничем не замутненные отношения. На этот раз я сунул ему в руку еще двадцатку и попросил об услуге, а затем быстро спустился на подземную парковку. Машина была припаркована в дальней части, в самом темном уголке. Идеально, я же не собирался никуда ехать. Забравшись внутрь, я включил охрану и запер двери.

Естественно, сейчас большинство выходит в Сеть прямо из квартиры. Но несмотря на то что мои счета тоже привязаны к домашнему адресу, я не стал убирать агрегат из машины, так как в последние два года машина оставалась для меня самым стабильным местом проживания. Купил я ее после двух первых месяцев работы в «Снохране», и она была полностью оснащена. Позже, когда денег стало больше, я усовершенствовал ее до такой степени, что уже сам не понимал, где какой провод проходит. Так что вынимать агрегат из машины и переустанавливать его в квартиру было одним из тех дел, на которые я бы ни за что не пошел, наряду, например, с выбрасыванием ручек. Или отбыванием пожизненного.

Консоль в машине передавала изображение прямо в мозг, поэтому очки виртуальной реальности не требовались.

Свет сменился, и вместо подземной парковки я оказался на своей стандартной главной странице. Передо мной раскинулся зеленый жилой район одноэтажной Америки. Я нажал на газ и выехал на дорогу. Сетевая версия машины похожа на тюнингованный «Кадиллак» 1959 года с его ретроплавниками и покрытием небесно-голубого цвета. Но движок самый современный. В Сети я не имею ничего против скорости, потому что здесь действует стандартный протокол избегания столкновений, более того, благодаря ему иногда просто ради развлечения я на полной скорости лечу на другие машины. Особенно развлекаюсь, когда по дороге попадается один из ретроградов, что отказываются принимать новые условия и все еще предпочитают бороздить Сеть на досках. Иногда можно их встретить — пожилые хиппи на бордах, оборудованных маленькими колесиками от скейтов, постоянно жалующиеся на транспорт и вспоминающие былые браузерные войны. В конце улицы я повернул направо и какое-то время ехал прямо, а потом, сделав левый поворот, оказался на территории, покрытой холмами личных доменов. Нынче приходится пробираться через дебри множества предместий — через семейные сайты, набитые оцифрованными фото каникул и выносящими мозг подробностями того, как плохо Тодд написал контрольную — прежде чем доберешься до более темных зон. Раньше можно было просто набрать адрес в поисковике и оказаться на домашней странице нужного тебе человека. Но теперь, когда Сеть перешла на трехмерное изображение, домашние страницы стали выглядеть как настоящие дома, а их владельцы стали проводить в них большую часть времени — все изменилось. Теперь хозяева сайтов хотят, чтобы вы как цивилизованный человек подошли к их виртуальному дому по дорожке и позвонили в дверь. Хотя во многих местах Сети все еще можно сразу перепрыгнуть в нужный район, туда, куда я сейчас направлялся, не перепрыгнешь. Кроме того, пробки в местах переходов иногда достигают таких размеров, что проще нажать на газ и объехать проблемные зоны. То, что когда-то начиналось как альтернативная реальность, превратилось еще в один уровень обычной, подчиняющийся примерно тем же правилам.

Таковы люди. Начисто лишены фантазии.

Как всегда, я напомнил себе, что неплохо бы навестить бабушку и дедушку. Но сейчас на это не было времени. В общем-то, его никогда нет. Они ушли в Сеть шесть лет назад, недели за две до того, как к ним явилась старуха с косой. Купили себе скромную виртуальную ферму на самом краю Австралия нет, и их переместили прямо туда. К сожалению, их кинул риелтор, и качество там абсолютно дерьмовое. Все состоит из полигонов^[32] и цветowych блоков, а голоса звучат словно из динамиков трэш-эмбиент группы^[33]. Думаю, я вполне мог бы позвонить им из реального мира, но я содрогаюсь при одной мысли — ведь так я, получается, притворюсь, что они еще живы. Они хорошие люди — или были хорошими людьми, не знаю, как правильно выразиться, — и я рад, у меня есть к ним некоторый доступ, но, на мой взгляд, существуют барьеры, которые лучше не преодолевать. Мы слишком мало знаем о нашем сознании, хотя думаем, что знаем достаточно; наверное, они, дедушка с бабушкой, сильно изменились, и вряд ли их можно понять с той же ясностью, что и раньше. Так что не спешите бросать в меня камень — тут мало кто может быть без греха.

Скорость снизилась, а это значит, что движение стало более плотным — люди проверяли утреннюю почту или делали ранние покупки онлайн. Но дорога все равно выглядела пустой, потому что мне так больше нравится: я обычно включаю фильтр, который оставляет на ней только машины людей, которых я знаю лично.

Дек ненавидит Сеть и приближается к ней только по необходимости. Говорит, что не

доверяет опосредованному опыту. Я как-то спросил, в каком журнале он это вычитал, и ему пришлось сознаться, что это слова одной из его прошлых подружек. А мне Сеть нравится, нравится путешествовать по ней, не покидая удобного кресла, и появляться в других местах, просто щелкнув переключателем. Обычно Сеть нужна мне, чтобы делать дела с людьми, которые отказываются делать их по-другому. Квот, например, никогда не будет переводить деньги по телефонной линии. Он, видите ли, не может на них положиться, и когда что-то нужно срочно, возникает нехилая проблема.

Пока я ехал, мой мозг работал с удвоенной нагрузкой — я пытался предугадать развитие событий после того, как узнал, какой пост занимал убитый. Результат размышлений был очень простым: теперь уж точно надо избавиться от воспоминания, и чем скорее, тем лучше. Если что-то и может вывести копов из себя, так это убийство одного из них. Не знаю, будет ли для них играть какую-то роль, что сам я не стрелял, но, думаю, если я попадусь им в руки, они не станут тратить время на все эти философские заморочки.

И в то же время, думал я, есть плюс: преступление не так легко раскрыть, поэтому пока мне ничто не угрожает. Копы могли достать меня только через Лору, а что-то подсказывало мне, что ее связь с Рэем Хаммондом не лежит на поверхности. То, что я увидел в его глазах в воспоминании Лоры, свидетельствовало: он умел хранить секреты, и Лора была одним из них. Больше всего меня беспокоили ребята в сером в самом конце. Как я уже сказал Деку, на мой взгляд, они не походили на копов, а теперь, узнав, кто такой Рэй, я был в этом уверен. Об этом говорила и их реакция на месте преступления, и нечто в их облике. У этих ребят на меня вообще ничего не было, так что не стоило дергаться, но и забывать о них тоже не стоило.

Возможно, полиция начнет раскручивать Страттена на предмет его последних клиентов. Страттен ничего не знает о моей работе на стороне, но мне надо создать себе алиби и показать, что веду себя абсолютно как обычно, иначе у него могут появиться кое-какие мыслишки. Другими словами, надо позвонить и мило с ним побеседовать.

Обдумывая ситуацию со всех сторон, я неизбежно возвращался к этому выводу. Если нам удастся лечь на дно, а Квот сделает то, что мне надо, то шансы выкрутиться достаточно высоки. В этом случае оставался только один вопрос — не очень важный, но все-таки интересный.

Какое отношение мог иметь высокопоставленный коп к недвижимости на задворках Лос-Анджелеса?

Постепенно небо стало темнеть, и моя скорость увеличилась, когда я приблизился к территории для взрослых. На перекрестке на меня взглянула сетевая нянька и позволила проехать, верно догадавшись, что я если и не повзрослел, то из детского возраста точно вышел. Зона для взрослых была не очень гостеприимной — непрекращающаяся ночь, заправки и круглосуточные мини-маркеты, автобусные остановки без пассажиров и редкие фигуры на улицах. Но я не мог избежать этой дороги, если хотел попасть туда, где жили настоящие вершители судеб Сети. Баннеры конкурирующих заведений двигались вместе с машиной, вослед неслась реклама преимуществ разных порносайтов. В какой-то момент в салоне оказалась совершенно голая и накачанная силиконом фигура, которая ворковала обо всех прелестях, которые я могу увидеть всего за 19,75 доллара в час, но я продолжал давить на газ и выскочил на другой стороне зоны еще до того, как у меня начались проблемы. Фигура надула губы и исчезла, оставив после себя лишь звук поцелуя, как только я пересек границу с территорией хакеров.

Она тоже покрыта индивидуальными доменами, но дома здесь более вычурные, и перед ними спят собаки-отгонялы. Когда в сумерках проезжаешь мимо, они приоткрывают один глаз и издают рычание, чтобы все знали, что они на посту. Обычно собаки-отгонялы — это компьютерные охранные программы, которые могут справиться со всем, что угодно, за исключением, пожалуй, супервирусов. Было время, когда вместо них сидели львы, лежали драконы или крутились вихри лезвий, но потом хакеры обратили свою фантазию в другое русло, и псы потихоньку вернулись.

Кажется, что в зоне хакеров время замедляется — это связано с требованиями к их оборудованию. Дороги здесь редко ведут туда, куда должны, и если не знать, куда ехать, и не иметь на это разрешения, то вполне можно неожиданно оказаться на другой стороне Сети.

Наконец я попал на улицу, где жил Квот, и подъехал к его дому. Его отгоняла поднялась и с ненавистью смотрела на меня, пока я шел к двери. Она уже старая и потихоньку сдает, но сентиментальный Квот не обновляет версию. Я протянул руку и дал понюхать, как всегда, опасаясь, что она куснет по самый локоть, но собака учуяла мой файл желанного гостя и позволила пройти. Когда я проезжал мимо нее, она попыталась отправить мне куки^[34], но и в этот раз я его заблокировал. Самый невинный из куки-файлов Квота вполне может полностью парализовать систему, а однажды он умудрился превратить мое виртуальное воплощение в серийного убийцу. Я успел убить в киберпространстве четырнадцать виртуальных людей, прежде чем на меня вышла киберполиция, но, по счастью, Квот прописал функцию экстренного отката, так что урон не достиг значительных масштабов.

Припарковавшись перед домом, я подошел к входной двери. Пока звонок разыгрывал симфонию в глубине дома, я нервно переминался с ноги на ногу и заглядывал в окно гостиной. Она была очень аккуратной, как всегда. Квот весьма гордится домом, и ходят слухи, даже когда он устраивает вечеринку в реальном мире, он кодирует всех гостей таким образом, чтобы они оказались в его виртуальном жилище. Потом, когда те расходятся, он легко может восстановить его по резервной копии, где нет ни винных пятен, ни луж блевотины. Сам я Квота во плоти никогда не встречал, но готов в это поверить.

— Здорово, — сказал он, открывая дверь. — Получил сообщение?

— Отличный костюм, Квотик, — ответил я. Квот всегда одевается как агент ФБР пятидесятых годов, и в этом есть, на мой взгляд, некоторая ирония. Его виртуальное лицо скрыто маской суровой респектабельности — хотя я подозреваю, что в реальном мире он ничем не отличается от обычного хакера и никогда не тратит много денег на одежду.

— Времени у меня нет, — сразу предупредил я, и он кивнул.

— Звонок в три часа утра мало похож на желание просто пообщаться. Что тебе надо?

— Прибор.

— Какой именно?

— Мнемопередатчик, — ответил я, глядя ему в глаза.

— Ты это серьезно? — переспросил он, поднимая брови.

— Да. И побыстрее.

— Быстро не получится, — покачал он головой, не отводя от меня взгляда. — Достать его в принципе очень трудно. Ты в курсе. И очень дорого. Я знаю только двух человек, у которых он может быть. И оба они мотают срок, отрезанные от Сети.

— И тем не менее есть кое-кто, у кого он есть.

— Имя?

Я покачал головой. Жаль, что я не задал этот вопрос Лоре Рейнольдс — хотя вряд ли бы

она на него ответила.

— Поверь мне, это точно. Прибор нужен за любые деньги. И быстро.

— Кто-то сделал что-то, чего делать было не надо?

— Вроде того.

— А тебя не пугает, что если об этом узнает Страттен, он тебя угробит? В смысле натурально *угробит*.

— Квот, у меня нет выбора. Считай, что те последние деньги, которые твоя программа спрятала для меня, — первая часть твоего гонорара. Воспоминание уже у меня в башке. Тебе надо срочно найти этого парня.

Выражение лица никогда не имело большого значения в Сети, но суровое лицо Квота стало еще суровей.

— И что же у тебя там?

— Убийство. Копа. С ним связано что-то подозрительное. Мне надо от него избавиться.

Квот отвернулся и осмотрел девственную чистоту своей прихожей. В действительности же он мог в это время заниматься чем угодно — возможно, уже входил в контакт со своими осведомителями.

— Мне надо идти, — сказал я. — Сколько это может занять?

— Сутки.

— Черт. Так долго? — Я опустил голову.

— Если повезет. Где тебя искать?

— Не знаю, — ответил я и вышел.

Дом Квота рассыпался фонтаном пикселей, и я вновь оказался на парковке. Собираясь вылезти из машины и бежать вверх по лестнице с юным задором, который так для меня характерен, но потом решил выкурить сигарету в спокойной обстановке без Лоры Рейнольдс. Включил телепьютер и настроил его на сегодняшние новости. В мире что-то происходит или произошло, но это никак не связано непосредственно со мной. День обещает быть солнечным, если только ничего не изменится. Об убийстве Хаммонда ничего не слышно. На какое-то время все стабилизировалось.

Я докурил сигарету и вылез из машины, стараясь, чтобы табачный дым не проник на стоянку.

* * *

Как только закрыл за собой входную дверь, понял: что-то случилось. Вместо того чтобы постучать, я воспользовался ключом, оправдывая это тем, что Лора продолжает вострить лыжи. Но можно было не осторожничать. Гостиная пустовала. В ванной тоже никого не было. Я быстро заглянул в обе спальни и еще раз бесцельно оглядел гостиную. Ни Дека, ни Лоры не видно.

Я не стал еще раз обыскивать комнаты. Квартира была пуста. Ясно как божий день. Все предметы выглядели самодовольными и надутыми, что происходит всякий раз, когда жилье остается в их распоряжении. Какое-то время я не двигался и только мигал, не зная, как на все это реагировать и чувствуя, что начинаю паниковать. Я не стал запрещать Деку и Лоре идти по магазинам или что-нибудь в этом роде, но ведь Дек далеко не дурак. Я уверен, он понимал, что этого делать не надо. На кухне появилась третья использованная чашка, что

означало, что, приняв ванну, Лора с неудовольствием приняла и чашку кофе. Дисплей автоответчика показывал, что мне никто не звонил, и это подтвердил обозленный автоответчик лично.

Не было видно ни записки, ни следов борьбы в комнатах. В квартире просто никого не было. Она напоминала «Марию Целесту»^[35], с той лишь разницей, что не была кораблем и имела ковровое покрытие.

Раздался телефонный звонок, и я схватил трубку.

— Дек?

— Нет — это Тидстер.

— Тид — ты не видел Дека? С женщиной?

— Нет, — рассмеялся он. — Это я бы запомнил, как думаешь?

— Ты не видел, как он выходил из здания?

— Нет.

— Тогда какого черта ты звонишь?

— Тебя все еще интересуют придурки официального вида, которые могут появиться перед зданием?

— Ты что хочешь этим сказать? — внутри у меня все похолодело.

— Два человека, серебристая машина, две секунды назад.

— Задница всемогущая. — Я бросил трубку, не дослушав Тида, схватил пальто и выбежал из квартиры. На секунду я задержался в коридоре, потом направился к лифтам, которые находились в северной части здания; я полагал, что вошедшие воспользуются центральными.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

British Fantasy Society — Британское общество фэнтези (жанр здесь понимается в широком смысле, от произведений с заметным научно-фантастическим влиянием до литературы ужасов), чьи награды неоднократно получал писатель, в том числе премию им. Августа Дерлета за роман «Запретный район» (рус. пер.: «Эксмо», 2014) в 1995 году.

Колин Уилсон (1931–2013) — английский писатель-фантаст, наиболее известный как создатель эпопеи «Мир пауков» и романа «Паразиты сознания».

Эрик Бразилиан (р. 1953) — американский музыкант, автор песни «One of U» наиболее известной в исполнении Джоан Осборн (1995).

Дони Уэйн (Дон) Джонсон (р. 1949) и Ричард Энтони (Чич) Марин (р. 1946) — актеры, исполнившие главные роли в сериале «Детектив Нэш Бриджес» (1996–2001).

Морис Мерло-Понти (1908–1961) — французский философ, автор изданной посмертно книги «Видимое и невидимое» (1964). Эпиграф цитируется по изданию: Мн.: Логвинов, 2006, с. 293 (пер. с фр. О. Шпараги под ред. Т. Щитцовой).

Ярд — примерно 91,5 см.

Город в Нижней Калифорнии, самом северном штате Мексики.

Кормовая культура семейства бобовых.

Один из жанров мексиканской народной музыки.

Один из ключевых художников абстрактного экспрессионизма с узнаваемым стилем нагромождения цветowych пятен, линий и разводов.

Лица, работающие и живущие за пределами родины.

Коктейль, содержащий текилу, апельсиновый ликер и сок лайма.

Около 13 квадратных см.

Дверь из двух створок, свободно открывающихся в обе стороны.

Имеется в виду главный герой фильма Стивена Спилберга «Инопланетянин» («Е.Т.»).

Нижняя Калифорния («baja» по-испански — «нижняя»).

Традиционное блюдо мексиканской кухни, начинка на тонкой кукурузной или пшеничной лепешке (тортилье), как правило, сложенной без закрепления вдвое вокруг начинки.

Праздник, посвященный памяти умерших, отмечающийся в первых числах ноября в Мексике и странах Центральной Америки.

Игровая катушка на веревке; катушка начинает обратное движение, когда веревка разматывается до конца.

Легендарная чаша Христа, куда была собрана его кровь во время казни, — чаша, поисками которой были озабочены некоторые литературные персонажи и реальные люди Средневековья. В переносном значении — нечто составляющее смысл жизни, к чему упорно, не смотря ни на что, стремятся.

В оригинале REMtemp, где REM (*англ.*), Rapid Eye Movement sleep буквально «сон с быстрым движением глаз») — фаза сна, во время которой появляются сновидения, а temp — «временно», «временный». Ниже автор поясняет принцип действия технологии и, соответственно, суть названия.

Фут — около 30,5 см.

Дело, способное оказать влияние на практику решений аналогичных случаев.

Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психиатр и психолог, один из первых разработчиков теории бессознательного, автор доктрины о коллективном бессознательном.

Примерно 3 на 2 м.

То есть такого, где место слов занимают другие способы коммуникации.

Дюйм — чуть больше 2,5 см.

Метод, заключающийся в том, что ни одна сторона процесса не посвящена во все его детали.

Сознательное заранее спланированное убийство.

Намек на евангельский эпизод изгнания торгующих из храма Христом.

Устройство в виде кофейника с поршнем для отжима, где кофе или другой напиток готовится настаиванием.

Многоугольники, образующие трехмерное компьютерное изображение и в большинстве случаев максимально сглаживающиеся, чтобы полигональная структура не была видна и изображение выглядело как можно более реалистичным.

То есть группа, играющая попеременно то экстремальную металлическую (трэш, от англ. thrash — молотить), то крайне спокойную (эмбиент, англ. ambient — атмосферный, обволакивающий) музыку. Групп, сочетающих тяжелый металл с атмосферным звуком, очень много, но коллективов, которые соединяли бы именно такой жанр металла, как трэш, со «звуковыми ландшафтами», скорее всего, вообще нет, или есть, но крайне мало.

Файл, позволяющий идентифицировать пользователя и представлять информацию согласно его индивидуальным настройкам.

Бригантина-«призрак», найденная 4 декабря 1872 года без единого человека на борту: судьба покинувших корабль людей и причины их исчезновения так и остались неизвестными.